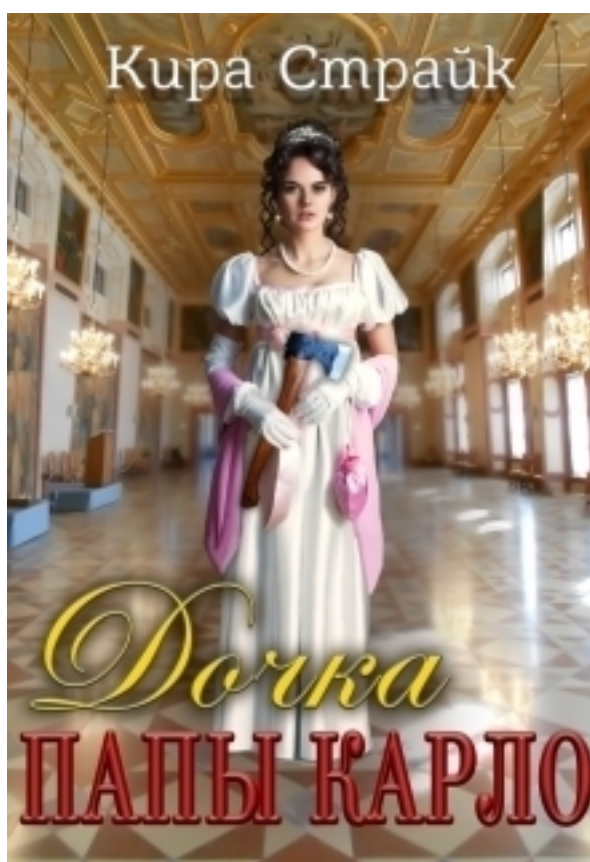

Кира Страйк

Дочка
ПАПЫ КАРЛО

Кира Страйк
Дочка папы Карло

«Литнет»

Страйк К.

Дочка папы Карло / К. Страйк — «Литнет»,

Тебя воспитал папа? Тогда не удивительно, что женские штучки до поры не вызывают слишком уж великого интереса. Зато умеешь работать с деревом так, что мастер допускает тебя к работе с диковинным раритетом. Да, секция самбо - не самое обычное увлечение для девушки. Зато тебе хватит силы воли и закалки отстоять себя в Институте благородных девиц. Уверяю, в обществе этих хрупких воспитанниц не так-то просто выжить. История о том, как обычная российская девушка с не самой обычной судьбой и характером, преодолевая последствия ""пацанского"" воспитания, растит в себе элегантную даму, способную самостоятельно благополучно устроить собственную жизнь.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	20
7	23
8	26
9	29
10	32
11	35
12	38
13	41
14	44
15	47
16	50
17	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дочка папы Карло

Автор: Кира Страйк

1

Здравствуйте! Меня зовут Алиса Карловна Вельф. Позвольте кратко ознакомить вас с историей моего происхождения.

В далёком 1713 году по личному приглашению Петра I из Германии в Россию на постоянное место жительства прибыл опытный в делах судостроительства Ганс фон дер Вельф, принадлежавший к старинному аристократическому роду. На некоторое время фамильная династия разделилась на две линии, разошедшиеся во времени и пространстве.

Два века спустя, мой прадед – Карл фон дер Вельф – получил поместье затухающей Российской ветви в наследство и переехал сюда с молодой женой.

По семейным преданиям, жили они счастливо, но не долго. Во времена известных всем событий, по причине сильной болезни прадеда, покинуть Россию они не смогли.

Поэтому, мой дед родился в 1922 году здесь же. Был именован в честь Фридриха Великого и остался сиротой в пять лет. Поместье, как вы понимаете, было реквизировано. Получив воспитание в одном из детских домов Ленинградской области, дед женился на девушке, принадлежавшей к не менее древнему, чем наш, роду Печерских.

Отца назвали в честь прадеда. Естественно, приставку "фон" никто не афишировал. Однако, дворянское происхождение наложило свой отпечаток на воспитание маленького Карла. Бабушка, Мария Петровна, дала отцу отличное домашнее образование, жила долго и умерла в весьма почтенном возрасте.

Папа свободно говорил на четырёх языках. (кроме русского – естественно, немецкий, английский и французский, которым Мария Петровна владела в совершенстве.) В 1975 году поступил в Бауманку* и, спустя пять лет, сразу по окончании, женился на очаровательной француженке – переводчице, сопровождавшей в нашей стране олимпийскую команду гимнастов.

Мадемуазель Мишель Дюбуа приняла советское гражданство и родила отцу прелестную дочку Элен. Малышку очень любили и баловали. Молодая счастливая семья вдохновенно благоустраивала свой быт и, добавив к имевшимся на тот момент сбережениям большую премию, папа даже приобрёл новый серенький жигулёнок.

Когда Элен исполнилось четыре года, в "почтовом ящике"**, где работал отец, произошла большая авария. Почти пол года он находился под следствием с угрозой реального срока.

В тот день, когда его, наконец, оправдали, Мишель не справилась с управлением семейным автомобилем. В аварии погибли она и маленькая дочь.

Сразу после похорон отец уволился. Ведомственную квартиру у него, соответственно, отобрали и выселили в затрапезную общагу.

Пить он начал именно там. Там же и познакомился с дедом Матвеем, пожалевшим убитого горем вдовца и не позволившим ему скатиться на дно алкоголизма. Работать с деревом отца научил именно он – токарь от бога.

В сорок шесть лет папа попал в больницу с первым инфарктом. Там он и познакомился с моей мамой.

Светлана Анатольевна Серова – двадцатипятилетняя медсестра выхаживала умного, интересного, образованного и глубоко несчастного больного и, поначалу, просто из жалости носила ему из дома пирожки и супчики. Впрочем, очень скоро отец покорила её сердце тон-

ким мягким юмором, интеллигентным (вопреки её представлениям о работягах – плотниках) обращением и добрым, уравновешенным характером.

Отец тоже не остался равнодушен к симпатичной заботливой медсестре и по выходе из больницы сразу сделал предложение.

А через два года родилась я. Увидеть маму мне так никогда и не довелось – она умерла в родах. Так и остались мы с папой вдвоём. Два самых родных человека на свете. Больше отец никогда не женился. Всё, что осталось у нас друг у друга – это мы.

Папа берёт свою дочку, как зеницу ока. И вы не представляете себе, что это был за отец. Он – самый настоящий суперпапа всех времён и народов! Все заботы обо мне взял на себя, иногда доверяя свою кроху сердобольной соседке – бабе Нюре, добровольно и бескорыстно взявшей потихоньку опекать отца-одиночку. Боюсь представить, чем ему это далось, но он справлялся и с бессонными ночами, и с первыми зубками, и со смешными тонкими косичками.

Сказки, первые буквы, счёт, детские стишки – это всё отец. С четырёх лет он взялся обучать меня французскому языку. При этом огромное количество времени я торчала с ним в столярном цехе.

К тому времени папа уже стал большим специалистом в своей новой профессии. В цеху для него был выделен закуток под отдельную мастерскую. Там он и занимался не только изготовлением, но и резьбой, и даже реставрацией старинных вещей. В общем, в глазах руководства, профессионализм отца был возведён в класс уровня "бог", а запах древесной стружки – самое привычное и любимое воспоминание из моего детства.

Надо сказать, что характером я резким контрастом выпадала из всей своей аристократической родословной. Не знаю, что сказалось сильнее – мужское воспитание "папы Карло" (так абсолютно все отца называли на работе), среда или какой-то не очень подходящий девочке ген случайно затесался в мою натуру, но безнаказанно "положить себе палец в рот" я не позволяла, сколько себя помню, никому.

– Ты ж мой маленький боец. – приговаривал родитель, заботливо смазывая зелёной очередную ссадину или царапину любимой дочке.

Первый раз рубанок, показавшийся тогда непомерно тяжеленным, я попробовала взять в руки в шесть лет. И тогда же первый раз пришла домой с разбитым носом. После этого отец отвёл меня в секцию очень популярного в те времена самбо. Первое место по области в своей категории я получила в одиннадцать лет.

Никогда не забуду, как однажды в школьной подворотне меня обступила местная шпана, в надежде поживиться карманной мелочью.

После той отчаянной уличной демонстрации своих боевых талантов, мне потом ещё не раз приходилось доказывать право на собственную неприкосновенность. Однако, в результате того, что в последней драке я серьёзно, вплоть до обращения к хирургу, вывихнула руку отпетому дворовому бандюгану с говорящей кличкой Беляш, хулиганистые мальчишки связываться с юной чемпионкой потеряли всякий интерес. И даже "залётных" порой предупреждали о небезопасности неаккуратного обращения в мой адрес. "Ты что, не знаешь? Это же дочка папы Карло!" – тыкая пальцами с обгрызенными ногтями в мою сторону, шёпотом говаривали они.

За мной накрепко прицепилось это прозвище.

Не знаю, что обычным девчонкам дарили родители на двенадцать лет, но у меня это был – личный маленький топорик. И счастью девичьему не было предела, ибо столярным инструментом я уже владела вполне прилично для ребёнка такого возраста.

В те поры папа серьёзно увлёкся старинными деревянными наличниками, умудрившись заинтересовать и меня. Последние десять лет он работал в небольшом частном цеху, где изготавливали эксклюзивную резную мебель. Старый мастер – Михалыч – разрешал ему после

работы оставаться и ковыряться со своей новой затеей. Там же, в своё удовольствие, крутилась и я.

Кроме всего прочего, отцу без конца тащили какие-то сломанные вещи в починку. То он ходил ремонтировать кому-нибудь стиральную машинку, то вышедший из строя утюг или развалившийся шкаф.

Помню, как-то баба Нюра, по-прежнему помогавшая отцу в пригляде за мной, принесла странную на вид штуковину с вставленными в пластиковый корпус крючками. Оказалось, что это была машинка для плетения шнурков. Агрегат долго валялся и пылился по всем углам нашей квартиры (у папы никак "не доходили руки" разобрать в поломке), пока я сама не взялась её наладить.

Конструкция оказалась совершенно элементарной и, быстро разобравшись и починив заедающую ручку, я понесла "вязалку" её владелице в соседнюю дверь.

– Алиска, да что ж ты у нас такая пацанка растёшь?! – приговаривала добрейшей души бабуля, оглаживая мои короткие волосы. (К тому моменту со смешными косичками я уже рассталась.) – Давай хоть вот кружево научу плести!

Честно попытавшись немножко повязать на той самой машинке разноцветные шнуры, я решила, что это невозможно скучно. Идея с кружевами и вовсе казалась кошмарной. В общем, идея бабы Нюры смягчить мой характер и обогатить воспитание женскими занятиями, пропала втуне.

Так мы и жили до того самого рокового дня.

* **Бауманка** – Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

** "**Почтовые ящики**", о которых идёт разговор – это не электронная почта, не деревянные или металлические ящики в наших подъездах. Так назывались закрытые учреждения, занимавшиеся всякими секретными разработками. В трудовой книжке так и значилось: предприятие п/я № такой-то. Этот номер так же являлся адресом для открытой корреспонденции.

2

Самый страшный день в своей жизни – 15.05.2019. – я запомнила в мельчайших деталях. В этот вечер я нашла отца мёртвым прямо в мастерской. Медицинское заключение – инфаркт.

Начался тяжёлый этап моей жизни. Бесконечные визиты соцопеки, проверки, наблюдение за каждым шагом. Больше всего я боялась в шестнадцать лет оказаться в детском доме.

Ради того, чтобы убедить надзорные структуры в своей самостоятельности, пришлось упереться, подтянуть учёбу и вести себя такой паинькой, какой сроду не была. Финансовых трудностей я не испытывала. Руководство с отцовской работы очень по-человечески отнеслось к моему положению и организовало какие-то выплаты, в которых я ничего не поняла, но была страшно благодарна за помощь. Кроме этого полагалась пенсия по утрате кормильца. И потом, мне осталась наша маленькая квартира, которую я содержала в безупречной чистоте.

В общем, удалось убедить государство в собственной ответственности и независимости, и постепенно от меня почти отстали. Посещения сироты раз в месяц, после ежедневного мурыженья дома и в школе, можно было назвать уже прямо-таки свободой.

Последней работой папы, из той её части, что он занимался "для души" – было необыкновенной красоты старинное зеркало. В резной деревянной раме его не хватало двух фрагментов. При каких обстоятельствах они были утрачены – не известно, но хозяин диковинки, отдавший раритет отцу на реставрацию и восстановление, утверждал, что когда-то оно украшало один из залов самого Института благородных девиц.

Как-то Михалыч, приехав ко мне, чтобы передать деньги от коллектива, сокрушённо покачав головой, посетовал на то, как жаль, что отец так и не успел закончить работу.

– Равных ему в этом деле не было и нет. – говорил он, – Из мужиков ведь так никто и не рискнул взяться за такую тонкость.

Я помнила это зеркало. Массивная рама его и в самом деле было выполнена в изумительно искусной технике. И тут я, сама того не ожидая, попросила разрешения у мастера закончить папин труд. С моей стороны это выглядело, прямо скажем, самоуверенно.

– Дядь Серёж, позволь, а? В память о папе. – уговаривала я, пугаясь собственной смелости.

Но то, что это была его – моего папочки работа, придавало храбрости и неодолимого желания довести начатое до конца.

Сергей Михалыч не устоял под натиском аргументов и мольбы, застывшей в моих глазах. К тому же, дочка папы Карло и в самом деле неплохо владела инструментом и обладала наследственным терпением и кропотливостью в работе. (Правда, только именно с деревом.) Разрешение было получено.

– *Смольный. Надо же. Обалдеть, как интересно.* – осторожно трогая раму рукой, размышляла я, разглядывая это антикварное чудо, – *Неужели когда-то, вот так же, как и я сейчас, в него смотрелась какая-нибудь молоденькая институтка?*

С этой эпохой я была немного знакома благодаря усилиям отца. В детстве он с прямо-таки маниакальным усердием заставлял меня читать русскую классику. И вообще читать. Не менее полутора-двух часов в день. Ещё и поэтому было интересно прикоснуться к вещи такого старинного происхождения.

Знала бы я тогда, во что выльется для меня собственная настойчивость.

В общем, вооружившись папиными резцами, так и лежавшими до сих пор в его маленькой мастерской, я потихоньку взялась за работу. Испортить дорогую, в том числе и в историческом плане вещь было бы непростительно, к тому же время для этого находилось только после школы – поэтому дело продвигалось медленно.

– Ну как? Получается? – заглядывая ко мне после рабочего дня, обычно спрашивал Сергей Михалыч.

Заказчик уже давно утратил остатки терпения в ожидании своего раритета, но меня никто не торопил.

– Хорошо! Вот, что значит папина дочка! – одобрительно цокал языком мастер и шёл домой.

А я оставалась возиться с деревом, представляя себе то, как бы отец выполнял тот или иной элемент, как бы он его "состарил", как бы полировали его чуткие пальцы каждый завиток.

И вот настал тот вечер, когда реставрация была завершена. На мой взгляд получилось отлично. Найти "вставыши" можно было лишь при условии, что ты знаешь, где они заняли своё место.

– *Неужели это сделали мои руки?* – думала я, ещё раз оглаживая раму, пытаюсь нащупать места стыка, – *Папка, ты бы мной гордился.*

В этот момент неожиданно показалось, что моё собственное отражение в зеркальной глади слегка подёрнулось пеленой. Придерживая зеркало одной рукой, я другой попыталась отереть затуманенные подступившими слезами глаза, решив, что причина наваждения именно в этом.

Однако "стереть" морок так и не получалось. Более того, сквозь завесу дымки на моих изумлённых глазах отчётливо проступал длинный, ярко освещённый коридор с блестящим светлым каменным полом, не имеющий ничего общего с окружавшей меня мастерской.

Я даже неуверенно оглянулась назад и в ту же секунду, не успев ни осознать, ни особо испугаться происходящего, потеряла сознание.

Очнулась в какой-то странной больнице. То, что это именно лазарет – было понятно по характерному запаху и обстановке помещения.

Длинная комната со светлыми стенами, простенькими полотняными занавесками и деревянным полом. Несколько низких, аккуратно заправленных кроватей, из которых занята только одна. Мной.

– *Что за провинциальный антураж, и как я сюда вообще попала?* – думала я, ощупывая голову и нудно саднившие шею и грудь.

То, что падала в обморок я всего лишь с высоты собственного роста – помнила совершенно точно. Иначе говоря, в больницу, теоретически, могла и угодить, но то, чтобы где-то ещё сохранилась подобная обстановка – было совершенно невероятно и объяснения не имело.

Опять же травмы. Ладно ещё голова – бог его знает, может за спиной неудачно находился какой-нибудь острый угол. А при чём тут шея и грудь?

Судорожно соображая, что вообще происходит, попыталась приподняться на постели. В этот момент явственно почувствовала, как по спине легла тяжёлая коса.

– Мама! – пискнула я, боясь пошевелиться и проверить собственную догадку.

Медленно опустила взгляд вниз. Нет, руки – явно мои, ноги – вроде, тоже.

– *Родинка! Наша семейная родинка на внутренней стороне бедра!* – кинулась проверять я, – ... *На месте!*

Но за спиной, разрывая шаблоны мышления, упрямо висела длинная, довольно толстая, изрядно растрёпанная коса.

Осторожно поведя головой таким образом, чтобы она переместилась из-за плеча на туго перебинтованную грудь, взяла в руки, тихонько подёрнула для надёжности – видение не исчезло.

Каких только нелепых предположений не выдвигало в этот момент моё сознание. Подходящих аргументов в защиту какой-либо разумной гипотезы, сколько-нибудь объяснявшей э-э-э... м-м-м... это преображение, упрямо не находилось.

Даже если предположить, что я внезапно впала в кому – нужно было лет десять в ней проваляться, чтобы моя пацанская стрижка отросла до такой длины.

За светлой дверью слышались шаги и приглушённый разговор.

Я уже было набрала в лёгкие воздуха, чтобы задать одолевающие меня вопросы, открыла рот, но... тут же его и захлопнула, увидев кто прямо сейчас направляется к моей кровати. Это была целая делегация из нескольких чудно одетых людей.

Одна разряженная в бутафорское длиннополое тёмно-вишнёвое платье... дама (по другому языку не повернулся даже подумать, не то, чтобы сказать) со строгим озабоченным лицом. Рядом с ней шла другая женщина в таком же старинном, но более простом одеянии, длинном белом фартуке – явно медицинского назначения и такой же незамысловатой косынке, скрывавшей волосы. Ещё одна девушка в совсем уж простеньком платье тут же бросилась поправлять мою постель. И ещё трое каких-то мужчин.

Один из них – тот, что с чёрной "богатой" бородой, склонился надо мной и попросил назвать имя, отчество и фамилию.

В этот момент нерв дрогнул и я, при всём своём неслабом, в общем-то, характере, полезла под одеяло.

3

Натянув одеяло до самого носа, я испуганно таращилась на сосредоточенного доктора. (В том, что это именно так, сомнений уже не оставалось.)

– Ну же, мадемуазель. – настаивал он, – Нам необходимо оценить ваше состояние.

– *Кто мадемуазель!? Я?!* – мысли с новой силой ошалело заметались в голове.

По шкурке, подбираясь к затылку, а затем и к самой макушке, побежали противные мурашки. Но дядька пристально и упорно продолжал смотреть именно в моё лицо.

Я ещё немного поразглядывала совершенно круглыми глазами всех этих мужчин в тёмных, очень длинных пиджаках (в памяти всплыло слово "сюртук"), не зная, что ответить. Все эти пенсне, задранные воротники рубашек, наползающие углами им на щеки и поверх обмотанные платками или шарфами, окончательно сбивали с толку. Можно сказать – конкретно добивали мой разум и веру в собственное здравомыслие.

– Алиса Карловна... фон дер Вельф. – уступая давлению, пискнула я и, поддаваясь атмосфере окружающей обстановки, почти автоматически добавляя родовые приставки.

– Умственные способности в порядке, госпожа испектриса, – к моему величайшему изумлению, тихо сказал бородатый доктор, обернувшись к даме в тёмно-вишнёвом

– Слава богу, – пролепетала тётка, промокнув глаза платочком.

Пока я продолжала пытаться сложить всех этих странных персонажей в единый пазл, не решаясь задать ни одного вопроса, ко мне подошёл второй из докторов. Лицо его имело немного более мягкие черты и выражение, чем у строгого бородатого.

– Как вы думаете, сколько времени вы лежите в лазарете? – взяв мою руку и, видимо, считая пульс спросил он.

– Э-э-э... М-м-м... – растерянно пожала плечами в ответ.

– Вы, мадемуазель, здесь уже одиннадцать дней. Совсем недавно вам сделали операцию. Будьте любезны теперь хорошенько отдыхать и есть.

– Э-э-э... Фу-ух. – выдохнула я – буквы совершенно отказывались складываться в слова, и тут уж совершенно по-дурацки добавила, – Да?

"Добрый" доктор выразительно посмотрел на меня и кивнул.

– *Боже, что тот Шариков, ей богу!* – злилась я сама на себя, – *Какой-то лютый "абырвалг"!*

Да не знала я ни что думать, ни что делать, ни тем более говорить. Может это вообще сон. Нереально-реальный. Или помешательство. Очень надеюсь, что временное. Хотя вон тот важный эскулап, например, сказал, мол "умственные способности в порядке".

– Пульс в норме, профессор. – резюмировал "добряк" (как я его уже мысленно окрестила), поворачиваясь к бородатому.

– *О, как?!* – отметила я.

А профессор присел возле моей кровати на унылый больничный табурет и спросил:

– Мадемуазель, поясните нам, пожалуйста, почему вы сразу же не пришли в лазарет, как упали с лестницы?

– *В смысле?* – про себя озадачилась я, продолжая молчать.

– Ведь это немыслимо, чтобы вы без каких-либо серьезных причин обрели себя на такие страдания. – не отставал бородатый.

Тут на выручку мне неожиданно пришёл второй. (Кстати, третий присутствующий в комнате мужчина, как статуя, стоял в сторонке, до сих пор так и не проронив ни слова.)

– Думаю, я могу прояснить эту ситуацию, профессор. – заявил он, – Не такие уж это всё секреты.

– Извольте. – поднимая внимательные глаза на второго попросил тот – самый важный.

– Я совершенно убеждён, что её подруги и она сама считают неприличным обнажить грудь перед доктором. Вот, видать, барышни и уговорили больную не ходить в лазарет. Я прав? – это уже мне.

– *Что?! Что за дичь?!* – мысленно возопила я. – *Вы о чём вообще, граждане?!*

– Однако, этот институт – зловреднейшее учреждение. – резюмировал профессор.

– *Институт?* – уловила я слово – "якорь", и память моментально с головой окунула в последние секунды "нормальной" жизни. – *Зеркало... морок... коридор... Я его где-то точно видела... Точно! Коридор института благородных девиц! В статье про выпускниц с этими... знаменитыми портретами!*

– Уразумейте уже, мадемуазель, что из-за такой излишней стыдливости вы были на краю могилы!.. – где-то на пределе слышимости бубанил бородатый профессор.

– *Зеркало! Неужели зеркало?* – пульс набатом стучал в висках.

Как бы нелепо не звучала догадка – я была ей рада. По крайней мере, это сомнительное объяснение хоть как-то ставило всё на свои места, отодвигая подозрения на собственную невменяемость.

– *Это что, выходит, провалилась во времени? Бред какой... сказочный... А других-то вариантов и нет.* – я мысленно развела руками, – *Так, надо срочно во всём разбираться. Болит ещё всё, как назло.* – поморщилась я, – *Что же тут вообще произошло?.. Эх, мне бы сейчас кого-нибудь поболтливей в помощники. А ещё лучше в союзники. Только что-то очереди из претендентов на эту роль никак не наблюдается... Боже! Какая же дурь вот это вот всё!*

– Мадемуазель фон Вельф, – вы готовы принять посетительницу? – возвращая мне слух и ощущение реальности, от дверей спрашивала... думаю, это была медсестра. Или санитарка – чёрт их знает, как они тут все называются.

"Консилиум" всем составом, как обнаружилось, уже куда-то удалился. Чего я, погружённая в собственные открытия, даже не заметила.

Судя по проскальзывающим в интонациях ноткам недоумения, этот вопрос медсестра задавала не в первый раз.

– Мадемуазель Алиса! Профессор разрешил вам одно посещение. Как вы себя чувствуете? Приглашать? – не унималась она.

– Кто там? – неуверенно уточнила я.

– Мадемуазель Софья Прокофьева.

– Зови... те. – поспешно согласно кивнула я.

Бог его знает, кто та Прокофьева, но то, что хоть кто-нибудь проявил здесь ко мне не медицинский интерес – уже подарок судьбы. Особенно, учитывая моё лежачее положение. Чую, не скоро ещё этот профессор меня отсюда выпустит, а валяться в практически полном неведении – с ума сойдёшь.

В комнату почти на цыпочках вошла молодая девушка где-то моего же возраста. Замерев на секунду на пороге, она сцепила пальцы опущенных вниз рук, закусил пухлую нижнюю губу и осторожно вытянула в мою сторону шею.

Это была тоненькая миловидная блондинка. Светлые волосы её были аскетично расчёсаны на прямой пробор и заплетены в тугую косу, перевязанную узкой коричневой лентой. Коротенькие пушистые завитки на лбу и висках обрамляли симпатичное лицо без намёка на присутствие косметики, с чистой, почти белой кожей, нежным румянцем, маленьким аккуратным носиком и большими, испуганно-любопытными серыми глазами.

Длинное зелёное простое платье с коротким рукавом украшали (если это понятие здесь вообще применимо) белые нарукавники на подвязках, пелеринка и длинный передник того же цвета.

Я приподняла открытую ладонь в привычном приветственном жесте и барышня стремительно, но почти бесшумно подбежала ко мне, на ходу опасливо оглянувшись на неплотно прикрытую дверь.

– Алисонька, душечка, ты как? – присев коленками прямо на чисто вымытый пол и уложив локти на краешек моей кровати, шёпотом взволнованно спросила она.

– Не очень, если по-совести. – осторожно ответила я, незаметно поморщившись на "душечку".

Нужно было как-то дать понять, что я, вроде как нормальная, но кое-что подзабыла в связи с болезнью. Сделать это, на моё счастье, оказалось не так уж сложно.

– Профессор сильно ругался?

– Ага, пошумел изрядно, всё спрашивал, почему сразу не пришла. – доверительно призналась я.

– А нас-то как бранили... – пожаловалась Софья, – А ты что?

– Я, если честно, очень смутно всё помню. Точнее совсем не помню. Наверное, шибко головой ударилась.

– Да уж, с такой-то высоты... Не мудрено.

– Ты только никому не говори. Ладно? – предусмотрительно попросила я.

– Конечно! Мы же подруги! – и девушка красноречивым жестом "застегнула рот на замок" и взяла мою руку в свои ладошки, – Бедненькая моя.

– Расскажешь, что случилось?

Уговаривать не пришлось.

– Ой, что было! Что было-о-о! – наклонившись поближе ко мне и выразительно округлив глаза, громким шёпотом начала она свой рассказ.

4

От того, что мне поведала подруга местной Алисы, а несколько позже подтвердили и дополнили в опосредованных воспоминаниях и обсуждениях другие институтки, неожиданно обрётённые косы зашевелились на моей голове по всей длине. В общем, дело было так...

В день начала всех событий Алиса вместе с с одноклассницами неслась по лестнице института, опасаясь опоздать в столовую. В какой-то момент оступилась и полетела кубарем вниз. Сзади напирали бегущие следом барышни, поэтому она без остановки пересчитала все ступени двух пролётов и с грохотом ударилась о дверь столовой.

Тем не менее, сознания девочка не потеряла – постояла немного, пришла в себя, да и со всеми вместе пошла на ужин. Как сообщила Софья, вела себя нормально, спокойно, а по возвращении в дортуар* улеглась и уснула, как будто ничего и не произошло.

Однако, утром Алисе стало хуже. Она еле заставила себя подняться, жалуясь на головокружение, тошноту и слабость. На теле обозначились синяки и кровоподтёки, шея и грудь опухли. (Надо думать – после такого-то фееричного спуска.) В общем, "добрые" подруги помогли встать, а затем, потолковав между собой, все единодушно решили, что её в таком состоянии ну просто нельзя отправить в лазарет. Прямо исключено – ведь перед врачом она "должна была бы обнажить грудь, а этим опозорила бы не только себя, но и весь класс". (Ну это мы уже от доктора слышали.)

Нет, ну вы только представьте весь идиотизм логики юных... институток. Простите за резкость – нервы не выдерживают. Теперь вот совсем ясно, почему понятие "институтка" в наше время фигурирует в не очень-то лестных определениях. Самое нелепое, что Алиса и сама разделяла это чудовищное мнение!

Эта, простите, дурища, проливая потоки слёз и раздавая торжественные клятвы "иметь мужество вынести боль", при помощи "душечек" натянула на себя платье и, делая вид, что всё в порядке отправилась на уроки. ("Слабоумие и отвага" – в самом чистом и неприкрытом виде.) А чтобы классная дама и преподаватели не заметили синяков, подружки уговорили тех, чтобы Алиса не снимала (как это полагалось для всех) пелеринку, сославшись на несуществующий кашель.

Я так поняла, к обеду бедолагу начал трясти озноб, на что дамочки закутали её в свои платки. А во время обеда "заботливо" слопали её порцию, чтобы скрыть отсутствие аппетита. (С такой-то "заботой" – и врагов не надо!) Когда же у еле передвигавшей к тому времени конечности хворой вырывался стон – усиленно шаркали ногами и кашляли, умоляя воздержаться от подобных звуков.

На следующее утро отёк на груди и шее стал ещё больше. Милые воспитанницы не нашли ничего умнее, как придумать, что это от голода и насильно заставляли есть уже просто горящую огнём Алису. Поливание холодной водой горячей головы больной, как вы понимаете, здоровья ей тоже не добавило.

К следующему дню Алиса уже просто не могла подняться. Но все "мужественно" решили, что встать совершенно необходимо. И, общими усилиями натягивая на неё форму, упорно убеждали "не терять мужества и до конца выдержать характер." Затем стащили её в класс и усадили на скамейку.

На этот раз (о, чудо!) дежурная дама, наконец, заподозрила неладное и попросила Алису подойти к ней. Вконец обессиленная девочка смогла только встать и тут же упала, потеряв сознание. **

В лазарете очнулась уже не она, а я.

– *Надо срочно делать ноги из этого "храма наук и культуры", – судорожно размышляла я, пытаясь осознать сказанное и переварить шок от услышанной информации, – Если есть вход сюда, значит должен быть и выход.*

Жить, а точнее выживать здесь среди подружек с подобными представлениями о девичьей чести и настолько преступно невнимательными опекунами, призванными, по идее, заботиться и оберегать своих воспитанниц... Нет, это просто невозможно.

Меня, пережившую смерть единственного родного человека, сумевшую отстоять и доказать право на самостоятельность, привыкшую к независимости – уже заранее пугали эти хрупкие дамочки со всей их демагогией и философией жизни, напрочь оторванной от реальности.

– *Надо искать выход. Зеркало! Если оно – портал (а других вариантов просто нет и быть не может), то просто обязано быть здесь. Надо только его найти и понять, как эта штука работает.* – пыталась я нащупать решение свалившейся проблемы, – *Иначе, с такими ненормальными недолго и "коньки отбросить". Это же надо – к врачу не пойти, чтобы тупо, не дай бог, не заголиться перед мужчиной!*

Меня буквально раздирало бешеное негодование. Безусловно, в нашем мире тоже маразма хватает, но не до такой же степени!

– *А эта Алиса, похоже, тоже здравомыслием не блистала, раз имела глупость слушаться подруженек. Курицы безмозглые! Довели девку до... А с ней-то, кстати, что?*

Размышления мои прервали сперва громыхнувший за окном колокол и следом лазаретная горничная (такова была её должность, а вовсе никакая не медсестра), зашедшая в палату с подносом, на котором аппетитно дымился горячий куриный супчик. К нему прилагались хлеб и масло.

– Кушайте, мадемуазель и ложитесь спать. Профессор настоятельно просил проследить. Чай принесу немного попозже, чтобы не остыл. – помогая мне подняться и занять вертикальное положение, заботливо сообщила она и, убедившись, что с ложкой я справлюсь, пошла на выход.

– *Ну хоть с голоду мне здесь умереть не дадут.* – с облегчением подумала я и взялась за еду. Тем более, что есть уже и в самом деле хотелось зверски.

Я так быстро управилась с содержимым тарелки, что пришлось некоторое время ждать, когда наступит это самое "попозже", искренне надеясь, что к обещанному чаю приложат какую-нибудь булку. Суп с бутербродом закончились молниеносно и не оставили после себя ощущения сытости.

Горничная (так пока и не удалось услышать её имени) меня не разочаровала, утвердив в мысли, что хотя бы в этом аспекте здесь всё более-менее приемлемо и за кусок хлеба бороться не придётся. А то читала я про ваш институт! Все эти "Ать-два – левой!", наказания, шпионаж – цугундер одним словом.

Впрочем, вышеперечисленные прелести сего благородного заведения в определённой степени ещё ждали наивную меня впереди. А пока я наслаждалась свежей плюшкой с чаем и крутила в голове варианты собственного перемещения обратно в родное тело. Хотелось надеяться, что лежит оно, родимое, в милом сердцу "отчем" мире в целостности и сохранности в какой-нибудь приличной больнице, допустим, в коме и ждёт свою хозяйку назад. Плохие мысли старательно отодвигались в сторону.

– *Хотя, скорее всего, я всё-таки в своём же мире,* – подсказывал здравый смысл, – *И, раз имя с фамилией полностью совпало, к тому же, наследственная родинка на месте – значит эта Алиса – какая-то моя дальняя-предальняя родственница. Понять бы ещё, в какой год угодила. Впрочем, не очень это и важно – я здесь всё равно не задержусь.*

Ничем пока не подтверждённая, но непоколебимая вера в то, что выход обязательно найдётся – не давала впасть в неконтролируемую панику.

Домой хотелось до дрожи в коленках. В папину маленькую квартирку к привычным занятиям, к телефону, компьютеру, интернету и прочим благам цивилизации. Можно было бы

добавить к перечню и телевизор, например, но я его почти никогда не включала. Разве что некоторые любимые фильмы, вопреки всякой логике, мне нравилось смотреть именно по телевидению со всей его раздражающе-дурацкой рекламой, хотя любое кино в наше время легко и непринуждённо можно было бы разыскать на просторах интернета и наслаждаться просмотром без всяких проблем. Но... это был какой-то мой личный, непонятно чем мотивированный "пунктик".

За всеми этими переживаниями и поисками выхода – не заметила, как уснула. Просто "выключилась", провалившись в сон. И, конечно же, мне виделся дом.

*Дортуár – общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

** Вся описанная ситуация имела место быть в реальной жизни и взята из мемуаров одной из институток Смольного.

5

Ни свет ни заря, в самом прямом смысле этого выражения, меня разбудили удары колокола, долетевшие в приоткрытое на проветривание окно.

– *Мамочки, что ж так гроыхать-то, да ещё и в такую рань?!* – возмущённо подумала я, поморщившись от неуместного, по моему мнению, громкого звука. Казалось, вообще едва успела закрыть глаза.

Нет, сам звук был довольно мелодичный, душевный такой, но с непривычки – аж в ушах зазвенело. Я так понимаю, для воспитанниц он означал время подъёма.

Вскоре вошла опекавшая меня горничная, принесла таз с водой и чистым полотенцем, чтобы умыться. Не совсем уверена, но за ширмой, отделявшей угол помещения, скорее всего, располагался умывальник, однако, я бы до него пока точно не дошла – даже в сидячем положении голова начинала кружиться, вызывая тошноту.

– Давайте, мадемуазель Алиса, я вам помогу. – приговаривала она, осторожно приподнимая на кровати.

Горничная оказалась на редкость терпеливой и приятной в общении. Это была спокойная темноволосая женщина с абсолютно заурядной внешностью лет тридцати пяти. Самое обычное лицо её не слишком часто посещала улыбка, но и выражения недовольства или раздражения я тоже пока не увидела ни разу.

– Скоро придёт доктор Худяков для осмотра и перевязки, надо привести вас в порядок. – вслух рассуждала она, аккуратно прочёсывая спутанные местами волосы (Чёрт бы их побрал – как же это неудобно!), – Лев Петрович сказал, что вы хорошо поправляетесь. Если так дело пойдёт – скоро вас из тяжелобольных переведут в общую палату.

– *Так, ну хоть как доктора величают узнала. Надо каким-то образом задержать эту милую тётеньку до его прихода. Должен же он хоть раз назвать её по имени – а то как-то совсем неудобно к ней обращаться,* – думала я, терпеливо снося пытку новыми волосами.

Не успела придумать, как исполнить собственную мысль, как в палату бодрой походкой стремительно вошёл сам доктор Худяков (который "добряк").

– Вы закончили, Мария? – вопросительно приподняв брови жизнерадостно поинтересовался он.

Я едва заметно облегчённо вздохнула.

– Да. Вам нужна моя помощь? – уточнила та.

– Уноси скорее все эти мыльные принадлежности и возвращайся – поможешь с перевязкой, – ответил доктор и переключил своё внимание на меня.

– Хорошо, Лев Петрович. – женщина потянулась к тазу, стоявшему на лаконичной деревянной прикроватной тумбочке.

– Спасибо за заботу, Мария. – слегка коснувшись её руки, тихонько шепнула я.

Она одарила меня одной из своих редких тёплых улыбок и молча пошла исполнять указание.

– Нус-с, мадемуазель, как мы сегодня себя чувствуем? – сцепив перед собой "в замок" длинные пальцы рук и выпрямив колени, доктор уставился на меня доброжелательным взглядом.

– *Ну Айболит воплоти!* – подумалось мне, – *Разве только без бороды.*

Даже странно как-то. Из того, что я в своё время начиталась про этот институт – следовало, что все здесь просто обязаны были ворчать, ругаться, поучать и всячески гнобить. А пока что попадаются сплошь положительные личности. С одной стороны, это приятно удивляло, с другой – даже как-то настораживало. В общем, я решила на всякий случай не расслабляться. К слову сказать – правильно решила.

Если резюмировать то, что уже удалось разузнать к данному моменту, находилась я в отдельном помещении лазарета для тяжелобольных. Лев Петрович Худяков – местный институтский врач. Оперировал меня – профессор Буяльский Илья Васильевич*. Про саму себя же не удалось понять практически ничего, кроме того, что мне шестнадцать лет, я учусь на последнем курсе (Упс! В старшем классе.) Смольного института благородных девиц, одноклассницы мои, по большей мере, интеллектом не блещут и сейчас самое начало учебного года.

Иногда ко мне пускали Софью Прокофьеву, которая жарким шёпотом делилась последними новостями институтской жизни. Однако, я мало что понимала, так как перечисляемые ею имена и фамилии ни о чём не говорили. Старалась запоминать, но это очень непросто, когда нет привязки к конкретному лицу. Хорошо ещё, ей было достаточно вовремя округлённых мною глаз и сочувственных кивков – а болтала подруга и сама за двоих.

– Скоро к нам ожидается инспекция попечительского совета. Русакова (главная "отчаянная" в старшем классе), как всегда, бегала на разведки, так вот, ей удалось подслушать, что будут большие перемены для первых учениц! – как-то сообщила она, – Начальство совсем потеряло голову. Из своих покоев даже выплыла старуха Леонтьева (нынешняя начальница института) и, как тень, появляется то в одном, то в другом конце коридоров. Ты тоже готовься не оробеть – помнишь же, что в программу инспекции обязательно входит посещение лазарета?

– *Ох ты ж! Так вот чего наши доктор такой благожелательный!* – осенило меня, – *Глава медицинского сектора желает получить свои преференции и "плюшки" от попечительского совета, а для этого ему необходимы положительные отзывы?.. А может я необоснованно подозреваю Худякова в двуличии, а он и в самом деле добряк? Ладно, это вообще не моё дело. А моя задача – побыстрее встать на ноги и искать зеркало. Пока же вся эта суета только наруку.*

– Инспектриса совсем загоняла преподавателей, а они и нам вздохнуть не дают. – продолжала тем временем моя собеседница.

– А кто ожидается? – вдруг сама удивившись своему любопытству, спросила я.

Из глубины души неожиданно "подал признаки жизни" дух авантюризма и проснулся исследовательский интерес. В конце концов, я столько читала про эту эпоху в нашей русской классике, да и так...

– *Раз уж я здесь (Пока!) – вдруг удастся хоть одним глазком поглядеть живьём на какую-нибудь знаменитую личность. Насколько я помню, возглавить инспекцию мог даже император. Вот было бы здорово!..*

– Ты что, забыла?! – удивилась вопросу подруга, – Сам наследник престола – Александр II**, красавица – графиня Софья Владимировна Строганова*** и прочие...

– Ого! – прямо вслух изумилась я, не удержавшись от восхищённого возгласа.

– Ты чего? Они же каждый год приезжают. – недоумевая по поводу моей бурной реакции, спросила Софья.

Меня и в самом деле переполняли возбуждение и азарт.

– *Ага, это вам тут, может, и не в диковинку таких личностей наблюдать. А я даже не поняла ещё, в каком году нахожусь! Фигассе! Пусть не император, но будущий великий государь – как говорится, "а-ля натюрель!" – про себя присвистнула я, – Это что у нас получается – где-то середина девятнадцатого века?*

– *А Строганова?! Это ж прототип Пушкинской "Пиковой дамы"! Или то её мать была? Кажется, княгиня Голицына... Забыла... Ну не важно, короче, домой вернусь – залезу в интернет, да уточню. О-бал-деть!* – всё больше разгораясь азартом и предвкушением предстоящих событий, едва не подпрыгивала прям лёжа в кровати я.

В общем, уже не могла дождаться, когда сие событие, наконец, наступит.

***Буяльский Илья Васильевич** (1789–1866 гг.) – выдающийся русский хирург и анатом. В течение 20 лет был профессором Императорской Медико-хирургической академии и 30 лет в Академии художеств. Ввел ряд новых операций, среди них: резекция верхней челюсти, а также лечебных методов. Одним из первых хирургов применил эфирный и хлороформный наркоз.

****Александр II**, Николаевич, Освободитель (1818–1881), Император Всероссийский (с 19 февраля 1855), старший сын Императора Николая I и Императрицы Александры Феодоровны. Родился 17 апреля 1818 в Москве.

*****Графиня Софья Владимировна Строганова** (1775–1845), урождённая **Голицына**, фрейлина четырёх императриц, младшая дочь княгини **Натальи Петровны Голицыной** (1744–1837), ставшей прообразом **Пиковой Дамы** в одноимённой повести А.С. Пушкина, и дипломата и военного Владимира Борисовича Голицына. Софья – сестра московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына и статс-дамы Е. В. Апраксиной.

6

В день приезда инспекторов попечительского совета, сразу после традиционного утреннего удара колокола, в институте взялись развивать бурную кипучую деятельность по наведению идеальной чистоты и блеска. Было слышно, как в коридорах щётками надраивают пол, по указаниям начальницы института перевешивают на стенах картины (ну, по крайней мере, судя по доносящимся звукам) и, как настойчиво намекали начавшие к полудню растекаться по всему зданию ароматы – готовили какой-то совершенно необыкновенный обед. Явно не куриный супчик.

С самого раннего утра Мария во всеоружии уже являлась ко мне в и без того практически стерильную палату в поисках того, что бы ещё потереть и пошкрябать. Помогла мне причесться, притащила новёхонькое одеяло, поменяла бельё на постели и выдала свежую сорочку.

Откуда-то издали доносился хор девичьих голосов, старательно выводящих: "Боже царя храни..." – видимо, генерально репетировали.

Подготовка к достойной высокой встрече шла полным ходом.

Перед самым часом "X", вполне ожидаемо, ко мне прибежала Римма Ефремовна (так звали инспектрису), вся, что называется, при параде и, взволнованно обмахиваясь кружевным платочком, учинила мне натуральный детальный ликбез по поводу того, как я должна буду приветствовать и что отвечать на возможные вопросы его высочества и других членов комиссии.

В другое время я бы, может, уже сто раз возмутилась на подобное насилие над личностью. (Современная молодёжь, как вы понимаете, вообще с трудом воспринимает указания, что и как думать или говорить, имея на всё собственное мнение.) Но в данной ситуации была ей даже благодарна – вдруг по незнанию ляпну чего-нибудь не то, а потом расхлёбывай последствия собственного невежества.

– Они непременно придут и сюда. – мыслями уже пребывая в следующем пункте заданной на утро программы, на выходе ещё раз повторила она, поставив галочку в маленьком блокноте.

– *Да уж надеюсь.* – про себя покивала я.

Наконец, двери распахнулись и Александр II вошел в мою комнату в сопровождении руководства института, остальных членов попечительского совета, доктора, Марии и ещё каких-то людей.

В состав местного начальства, судя по расстановке людей относительно главной фигуры мероприятия, входили очень пожилая полная женщина низкого роста с неприятным выражением закоренелой брюзги на сморщенном лице (я так поняла – та самая ненавидимая всеми "старуха Леонтьева" – главный босс института), уже известная нам маман (инспектриса) и строгого вида колоритная немка (судя по всему – классная дама, хотя, следуя первому впечатлению, напрашивалось назвать её надзирательницей).

Собралась целая толпа народу, теснившаяся, в основном, в районе двери. Всем хотелось хоть краешком уха, да своим, услышать мнение его высочества.

О-о-о! Я вам доложу, это было великолепное и величественное зрелище. Никогда не забуду, как мурашки табуном разбежались по всему телу.

Будущий государь-освободитель производил воистину неизгладимое впечатление. Начиная с того, что он и в самом деле (как когда-то читала) любил мундир и умел его носить, как никто. Парадная военная форма выгодно подчёркивала высокую, стройную, статную фигуру.

Этот самый мундир на нём был чем-то вроде длинного кителя чёрного цвета, доходившего до середины бедра*. С золотыми генеральскими эполетами, сверкающими пуговицами, оторочен по вороту и запястьям роскошной, хоть и строгой вышивкой. Широкою грудью усеивали ордена. (Я в них вот точно ничего не понимаю, но наверняка – самые "высокие".) Форменные брюки с атласными лампасами не обтягивая ног завершались искусно пошитыми ботинками.

Благородное лицо великого князя Александра Николаевича украшали зачесанная на правую сторону причёска, усы и бакенбарды. Взгляд достаточно больших серо-голубых глаз излучал силу и спокойствие. В общем, он был непередаваемо хорош. К тому же, прямо сейчас стоял в двух шагах от моей кровати.

Реальным и, как бы так попонятнее выразиться – приближающим его ко всему остальному человечеству, этого непостижимого и великого, в моём представлении, мужчину делали красивые руки с аккуратными ногтями, массивным перстнем на безымянном пальце левой кисти и едва заметно пульсирующей венкой. Свободно опущенные вниз, они как раз находились на уровне моих глаз. Как ни удивительно, их высочество был без перчаток. Отчаянно захотелось к нему прикоснуться, но это, сами понимаете, было бы, мягко говоря, неуместно.

Памятуя указания маман, я произнесла заготовленное приветствие на французском. (Спасибо папочке за его настойчивость в натаскивании меня в этом языке – память сработала на отлично.) В ответ он слегка наклонил голову.

– Желаю вам скорейшего выздоровления, мадемуазель. – сказал будущий государь.

– Благодарю, ваше императорское высочество, сейчас мне уже гораздо лучше. – ответила я. (Этот ответ тоже был предусмотрен инспектрисой.)

Далее беседа велась уже без моего участия.

– Что нужно, по мнению врачей, чтобы улучшить условия для больных? – спросил он, повернувшись в сторону доктора...

Да я и не сильно вслушивалась, потому, что теперь ко мне подошла графиня Строганова. Эта известная просвещённая благотворительница была уже совсем немолода, но прежняя исключительная красота отчётливо читалась во всём её облике.

Седые волосы уложены в аккуратные кудри и украшены кокетливой шляпкой с тёмным пером. (Кажется, страусиным – я не великий знаток.) Тёмно-зелёное в крупную клетку (что называется, "по шотландским мотивам") платье с чуть заниженной талией, богатой оторочкой белым кружевом по воротнику и манжетам длинных рукавов, тяжёлой юбкой опускалось почти в пол, оставляя открытыми лишь кончики изящных туфелек. Серые глаза её светились оптимизмом и молодым задором.

– Может быть, вы хотели бы чего-нибудь сладкого, деточка? – заговорщицким полушёпотом неожиданно спросила она.

Такой вопрос не был предусмотрен Риммой Ефремовной, и я озадаченно искала подходящий ответ.

– Благодарю вас от всего сердца, – подстраиваясь под местную манеру ведения разговора, ляпнула я первое, что пришло в голову – ко мне здесь, в лазарете, все очень добры...

– Если вам захочется чего-нибудь эдакого, – скажите об этом доктору и получите всё, что не повредит вашему выздоровлению.

На этом члены комиссии во главе с Александром II медленно и важно поплыли на выход.

Я лежала на своей подушке, мечтательно закатив глаза, и сожалела лишь о том, что вряд ли отважусь похвастать перед друзьями, что была реальной участницей подобной встречи. Это ж всё равно дома никто не поверит, ещё, чего доброго, отправят психику проверять.

– Ну и ладно! – думала я, – Зато мне – память на всю жизнь... А историчка бы точно обзавидовалась. Наша Людмилочка Петровна – натура возвышенная и сильно своим предметом увлечённая. Она бы как никто оценила...

Больше ничего особенно примечательного за период моего вылёживания в лазарете не происходило. Вскоре меня и в самом деле перевели в другое помещение – более просторное, с многочисленными кроватями, аккуратными рядами выстроенными по всей площади комнаты.

Традиционные осмотры Льва Петровича, который и после визита великого князя не перестал казаться подвижным доброжелательным Айболитом (так что зря я на него грешила), регулярные визиты Софьи с последними новостями – вот и почти вся "развлекательная программа" в этот период времени.

Недели три спустя с того момента, когда я открыла глаза в этом месте, на соседнюю койку принесли девушку, находившуюся в бессознательном состоянии.

Высунув из под одеяла нос, я прислушивалась к разговору доктора и строгой немки, попутно внимательно разглядывая фройляйн – в прошлый раз и без неё было кого детально поизучать.

То, что услышала – разозлило меня до состояния раскошегаренного на совесть самовара.

* На самом деле Александр II ввёл моду на удлинённые мундиры уже во времена своего правления. Но, раз уж он так терпеть не мог "кургузые" укороченные спереди варианты, я нарядила великого императора в один из его любимых парадных мундиров.

7

– Госпотин токтор, что с мадемуазель Горячефой? – с заметным акцентом спросила немка.

Это была средней комплекции женщина лет сорока пяти – пятидесяти. Довольно приятная на внешность. По меньшей мере интересная. (Что вряд ли можно было предположить относительно её характера.) Тёмно-каштановые волосы с рыжеватым отливом были не просто подняты, а прямо стянуты наверх, украшая макушку и лоб фройляйн крупными, крепко завитыми буклями.

Возраст классной дамы выдавали заметные морщинки вокруг не очень объёмных, но всё ещё не утративших цвета губ (которые она имела обыкновение жёстко сжимать по окончании любой сказанной фразы). Те же вестницы женской зрелости лучами разбегались вокруг зелёных, немного более круглых, чем принято считать эталоном красоты в нашем мире, "живых" глаз. Маленький заострённый носик и насыщенный цвет бровей и ресниц довершали образ и делали лицо достаточно выразительным.

Одега фройляйн была в строгое, очень тёмное – почти чёрно-синее платье, замуравывавшее свою хозяйку под самое горло. Из украшений – три небольших пуговицы, расположенных вертикально одна над другой по центру груди, обтянутых тканью самого платья, и тонкое кипенно-белое кружево, неширокими сборками выглядывавшее из под аскетичного, жёсткого воротника-стойки и освежавшее цвет кожи.

Ну и, конечно, безупречная осанка!

Не смотря на строгость интонаций, в голосе немки слышалось искреннее беспокойство.

– Ничего страшного, фройляйн Марта. – успокаивал её Лев Петрович, – Это просто голодный обморок. Её разве не кормили? – растерянно спросил он.

– Что фы! – даже всплеснула руками та, и, выразительно округлив глаза, продолжила, – Просто юная мадемуазель изволила опьявить колодофку!

– Это что же, позвольте спросить, сподвигло барышню на такой отчаянный шаг?

– Люпофь, госпотинн Худяков! Люпофь! Мы имели неосторожность отпустить томой мадемуазель Полину, по случаю именин её батюшки – графа Горячефа, и она за такой короткий срок успела флюбитса.

– Хм-м... – пряча улыбку хмыкнул доктор.

– И ф кого бы фы тумали? – громким шёпотом, не скрывавшим возмущение наставницы, спросила она, – Ф клафного пофесу и облатателю жутко нетостойной репутации ф Петербуррге – корнета Сокольского! Батюшка, стремясь исбафить дочь от соблазноф, тут же привёз её обратно, но было уже позтно! Девушка внушила себе нефесть что и отказалась кушать, пока ей не предоставят возможность фстречи с этим... госспотином.

Я даже фыркнула в своём уккрытии.

– М-м-да... – многозначительно приподняв брови, не нашёлся что сказать её собеседник.

– Это фозмутительно! Форменное пезобразие! Я фсекда гофорила – дисципли-ина и поря-адок! – сдвигая брови и подняв вверх указательный палец, убеждённо протянула фройляйн Шулер, – И никаких бесконтрольных сфязей с фнешним миром! Мы отвечаем са дефочек перет родителями. И обязаны соплютать строгость воспитания!

– Не волнуйтесь, Марта, – успокаивающим тоном сказал Худяков, – скоро всё наладится. Немного отдыха и хорошей еды, и следа не останется от этого неразумного поступка.

– Хотелось бы ферить, – сокрушённо покачала головой расстроенная наставница.

– Уж поверьте моему опыту! В борьбе головы и сердца – всегда побеждает желудок. – философски заявил Айболит и повлёл даму из лазарета.

– А как выстарафлифает наша Алиса? – слышалось продолжение разговора уже за дверями.

– Хорошо, Марта, совсем скоро она сможет вернуться к подругам и продолжить обучение.

– Ой-ёй-ёй-ёй-ё-о-ой! – приглушённо донеслось из коридора и слышались удаляющиеся шаги.

Доктор же вернулся в палату.

– Эх, девочки, разве ж можно так издеваться над собой! – в пол голоса себе под нос ворчал он, ещё раз пересчитывая пульс моей соседки, – Не бережёте вы себя, не цените фройляйн Марту.

– А чего она такая... суровая? – рискнула подать голос я.

– А, не спите, мадемуазель? – повернулся он ко мне, – Суровая-то суровая, да должность такая. Зато как переживает за вас, неразумных. Вот когда, например, шла ваша операция, она, между прочим, буквально дежурила под дверью. Сердцем она хорошая. А что не нежничает с вами – так для вашего же блага. Чтоб порядок знали. А то вон ведь, что обе удумали!.. Вся ведь дисциплина на ней.

Я, в целом, была с ним не так уж и несогласна. То, что сотворила с собой прежняя Алиса, никак не укладывалось в моей голове. Эта Полина, мирно дрыхнувшая в данный момент на своей кровати, тоже вызывала во мне бурю эмоций не самого лучшего порядка.

После обеда снова забегала Софья и, конечно же, во всех девичьих подробностях пересказала мне суть этого глупого, на мой взгляд, происшествия. Пришлось заново, подавляя растущее раздражение, от начала до конца прослушать выразительный и весьма эмоциональный пересказ бредовой эпопеи юной институтки.

Оказалось, что влюблённая барышня демонстративно голодала уже не первый день, с непреклонно-гордым видом воротя нос от тарелки. И все уговоры и страшилки воспитателей и более здравомыслящих подруг действия не возымели. И вот результат!

– *Где вообще у этих девиц мозги?! – пытаюсь погасить вновь разгоревшееся от всего услышанного негодование, размышляла я. – Неужели правда считают, что вот эти выходки чего-то стоят?! Хотя как же не стоят – ещё как! Одна себя уже угробила, вторая – ну очень к этому стремилась. Ради чего? Ведь последнему идиоту очевидно, что это ничего не изменит!*

Соседка, причмокнув во сне губами, перевернулась на другой бок.

– *Дура! Посмотрела бы ты, когда на самом деле ноги подгибаются от бессилия. И не ела ты не потому, что окружающие, видите ли, не оценили возвышенности нежных чувств и ты придумала себе такой способ привлечь внимание или добиться своего, а потому, что нечего. Шаром покати, и невозможно заставить себя пошевелиться. – с обострившейся болью вспоминая первые дни, когда ушёл папа, глядя на неё думала я. – Когда на самом деле просто кусок в горло не лезет. Когда в доме горе. Настоящее. Стылое...*

К ужину Полина "выспала" всё влитое в неё доктором снотворное и открыла глаза.

– Привет, Алиса. – слабым со сна и недомогания голосом поприветствовала меня соседка.

– Привет. – ответила я, не очень-то горя желанием затевать беседу.

Переживания, вызванные собственными воспоминаниями, ещё никак не отпускали, и мне до сих пор сильно хотелось стукнуть барышню или хотя бы встряхнуть, чтобы прям проняло дурную девицу и отвлекло от бредовых затей.

– Ты не представляешь, что со мной случилось дома!.. – сделав максимально загадочное лицо начала было она.

– Мне Софья всё подробно рассказала. – поспешно встряла я, опасаясь, что придётся ещё и в третий раз переслушивать эту галиматью.

В этот момент на моё счастье в палату вошла горничная с подносом в руках, на котором стояли две симпатичных тарелочки. На ужин сегодня давали рисовую запеканку, облитую чем-то молочно-белым и сладким.

– М-м-м, что там у нас такое вкусенькое? – вытягивая шею спросила я, хотя и так прекрасно всё видела – лишь бы отвлечь разговор от набившей за день оскомину темы.

– Ужинайте, девочки, сейчас чай с пирожками принесу, – выставляя на наши тумбочки еду, сообщила та и пошла к дверям.

– Спасибо, Мария. – поблагодарила заботливую женщину вслед, – А мне можно два?

– Можно, конечно, – рассмеялась она, – выздоравливающим – хоть десять!

– А я не буду есть! – с явственно читаемым вызовом раздалось с соседкиной кровати.

Мы с Марией едва дар речи не потеряли. Нет, ну вы представляете?! Сама уже на больничной койке лежит, а всё туда же – выкаблучивается!

– Если вы, мадемуазель, не начнёте есть, – первый раз за всё это время я увидела, как горничная свела брови, – я пожалуюсь Льву Петровичу и он начнёт вводить вам пищу насильственно!

С этими словами Мария вышла из палаты.

– Ну, блин, тебе сейчас устрою представление с промывкой мозгов. Поглядите-ка, какая звезда. Прыгайте тут все вокруг неё, уговаривайте... – я мысленно "ударила в гонг", обозначая начало поединка.

8

То, что увещеваниями и умными речами эту Полину не проймёшь, было совершенно очевидно. Поэтому, решила идти другим путём. Для начала, сделав невозмутимое лицо, быстро и молча съела свой ужин. (Что там грызть-то было.)

– Так что, не будешь есть? – указывая на её тарелку ровно спросила я.

– Н-нет. – уже заподозрив неладное, всё-таки отказалась та.

– Ну ладно. – я с равнодушным видом подошла к тумбочке и взяла в руки её порцию. – Я съем?

Вопрос прозвучал риторически. Ибо я уже лопала соседкину запеканку, удобно устроившись прямо напротив неё. Отламывая вилкой маленькие кусочки, я с демонстративным удовольствием смаковала девчонкин ужин.

– Так что, говоришь, как там твоего корнета зовут?

– Серж Сокольский. – неуверенно ответила она, провожая взглядом каждый кусочек до моего рта.

– Ну и замечательно. – покачивая ножкой, заявила я, – Пока тыт тут мученицу из себя строишь, твой Серж там веселится на балах и приёмах.

– Он не такой! – возмущённо изрекла она, приподнимаясь на кровати и тряхнув головой. Щёки собеседницы начинали алеть.

– Да, и не забудь, что голодание очень плохо сказывается на красоте. – не обращая внимания на её протест, продолжила я, – Кожа твоя станет бледной и сухой, под глазами уже вон какие синяки нарисовались, губы совсем скоро потрескаются, осанка от слабости испортится. Ну и кому ты такая сутулая, серо-зелёная немочь нужна будешь?

Барышня, гневно насупив брови, набрала полную грудь воздуха, но так ничего и не сказала.

– А я ещё потанцую с твоим корнетом, когда выйду отсюда. – добила я, ставя опустевшую тарелку обратно на тумбочку, и взялась откровенно разглядывать соседку.

Полина, как и Софья, была блондинкой. Но, в отличие от подружки Алисы, – не только цветом волос. На фоне этой кудрявой возвышенной барышни, с удивлённо приподнятыми бровями, настезь распахнутыми синими глазищами и пухлым ртом, Софья уже казалась прям почти образцом разумности.

Тем не менее, на лице моей собеседницы, отразилась интенсивная работа мысли и, кажется, страх.

Оно и понятно. Наказания в этом заведении, видимо, были делом привычным и никого уже не пугали. (Уж к выпускному классу – точно.) Разумные доводы затуманенный любовными переживаниями рассудок воспитанницы воспринимать отказывался. А использовать аргументы по части утраты дамского обаяния и привлекательности местные педагоги, в отличие от меня, наверняка сочли неприличным.

В палату вошли Мария и доктор Худяков. На ходу пояснявшая суть ситуации горничная, буквально застыла на полуслове, увидев пустые тарелки.

– Ну вот, Мария, всё в порядке. – удовлетворённо прокомментировал Лев Петрович, – Не стоило волноваться.

Женщина недоверчиво перевела взгляд на соседку. Я вообще усиленно делала вид, что не имею к этому всему ни малейшего отношения.

Полина, покосившись в мою сторону, открыла рот.

– А можно мне... добавки. – робко попросила она.

Я едва не расхохоталась.

Мария, проглотив повисший на языке вопрос, молча пошла за новой порцией.

– Вот и ладно. Вот и замечательно. – сообщил доктор и пошёл следом за помощницей. Я сыто развалилась на своей кровати, вполне довольная исходом.

Через день соседку выписали. Вскоре должны были выпустить и меня. Наконец-то я смогу спокойно поискать зеркало.

Не тут-то было...

И вот я шла по пустынной лестнице к галерее второго этажа жилого флигеля Смольного института благородных девиц, во все глаза разглядывая окружающую обстановку. Именно там находился мой дортуар. Воспитанницы сего заведения, судя по царившей вокруг тишине, в этот час находились на занятиях. Сопровождавшая меня Мария, молча поднималась немного впереди.

В первую очередь поражала высота потолков – они взмывали ввысь, оставляя огромные пространства пустыми. После наших привычных ульев-многоэтажек с крохотными, по сравнению с тем, в чём я сейчас оказалась, квартирками было не по себе. Каждый малейший звук эхом улетал ввысь, теряясь в колоннах и украшенных искусной лепниной арках. Огромные вытянутые и закруглённые кверху окна заливали пространство ярким светом. Ажурные кованые перила венчали тёплые, напоялированные до блеска деревянные поручни.

Пока валялась в лазарете, вроде даже немного пообвыкла со спартанской обстановкой палаты. А теперь, оказавшись за её пределами, снова окунулась в состояние нереальности происходящего. Никак не удавалось принять, что всё вот это музейное прошлое в данный момент по настоящему существует, живёт и дышит вокруг меня.

Не разрушенное, не реставрированное, а изначальное. Мистика, одним словом. Не помню откуда, в голове всплыли строчки:

Касаясь пальцами лепнин,

Презрев запреты суеверности,

В непотревоженность седин

Он шел – услышать память древности...*

Галерея встретила меня всё теми же куполообразными, какими-то храмовыми (направивалось определение) потолками. Разве что, в отличие от лестничных природных мотивов в лепнине, здесь кофейного цвета стены и потолок украшали более спокойные геометрические формы.

Мимо нас, поздоровавшись, лёгким шагом прошла молодая, но явно постарше меня девушка в сером однотонном платье, украшенном спереди рядком мелких чёрных пуговиц и белым квадратным накладным воротником, завязанным у шеи чёрными атласными лентами в бант.

– Ну хоть какая-то живая душа, кроме нас. – пронеслось в голове. – Интересно, на вид платье – тоже явно форменное. Но не такое, как у институток. Насколько я помню, одежда воспитанниц отличалась цветом, в зависимости от класса, но выглядела для всех точно одинаково.

Я проводила взглядом симпатичную мадемуазель и пошла дальше, догоняя мою сопровождающую.

Да, за одной из дверей, которая оказалась немного приоткрытой, заметила доисторического вида умывальники. Подробно рассматривать было некогда, но эта случайная информация тоже была полезна.

Наконец, Мария распахнула передо мной дверь жилой комнаты. Первые несколько дней мне разрешено было ещё не ходить на занятия, оставаясь в дортуаре. Эта новость порадовала и внушила некоторый оптимизм. У меня было время освоиться и пошариться по институту. Это я так решила.

Ага, так мне кто-то и позволил праздно шататься по коридорам. Сказано в дортуаре – значит в дортуаре. Кстати о самой комнате. Довольно-таки большой и просторной. Конечно, здесь было гораздо уютнее, чем в лазарете, но наличие аж девяти кроватей всё же напоминало о нём.

Светлый тёпло-фисташковый оттенок стен радовал глаз. Плотные шторы кофейного цвета, украшенные по краю маленькими помпонами и подобранные такого же цвета подвязками, приглушали льющийся в большие окна свет.

Кровати, слава богу, не белого больничного колера, а тёмно-коричневые, в тон персональным тумбочкам, стоявшим у каждого лежачего места. (Хорошо ещё, Мария автоматически прошла к моей койке и остановилась возле неё, приглашая присесть. Хоть самой не пришлось ломать голову, которая из них – прежней Алисы.) Вообще вся мебель здесь была монотонно-коричневого цвета.

На стенах – золотистого цвета двухрожковые светильники. На тумбочках и большом солидном комоде в правом дальнем углу дортуара – одиночные подсвечники. Там же на комодe – довольно массивные часы в деревянном корпусе вроде ящика, облагороженного резьбой.

В торце каждой кровати – простые стулья со спинками, а в центре комнаты – овальной формы общий стол с трёхрожковым светильником и письменными принадлежностями. На аккуратно заправленных постелях – светло-молочные покрывала и белые подушки.

Вот, вроде, и всё. Пока я увлечённо разглядывала интерьер, Мария ушла обратно в лазарет. Блямкнул колокол, возвестивший об окончании занятий, и здание начало оживать звуками. Послышались оживлённые девичьи голоса, которые громовыми раскатами перекрывало выразительное и красноречивое: "Айн-цвай-дра-ай! Айн-цвай-дра-ай!"

Я прижухла на кровати, не зная чего ожидать.

* Авторское.

9

В следующее мгновение дверь отворилась, и в комнату шумно, как просыпавшийся горох, одна за другой впорхнули восемь юных нимф, заполняя пространство болтовнёй и смехом.

– Ой, душечки, а вы заметили, что у маман новые духи? – восторженно говорила одна.

– А Павел Семёнович, всё-таки – прелесть! – романтично закатила глаза другая.

– Да! Я записала его новое стихотворение в блокнотик! – подхватила третья.

И тут они заметили меня. Реакция на моё появление в дортуре была разной.

Софья, с ней непримечательной внешности шатенка и ещё одна рыженькая "сдобная" девчонка с добродушным веснушчатым круглым лицом поспешили к моей кровати, каждая по-своему выражая радость от встречи и от того, что меня, наконец, выпустили из лазарета.

– Ой! Алисочку выписали! – радостно воскликнула пухляшка, бросаясь меня обнимать.

Девушку звали Таня Кудряшова. Насколько я поняла – она из всех наиболее остро реагировала на любые неприятности и конфликты и, обладая добрым сердцем и мягким нравом, в этой компании выполняла роль некоего миротворца.

– Ну, слава богу, всё обошлось. – шатенка, аккуратно положив на общий стол тетрадки, улыбаясь подошла и уселась рядом на кровать, автоматически расправляя на коленях платье.

– *Аккуратистка.* – отметила я про себя, глядя на этот эталон серьёзности, невозмутимости и благочестия, – *Наверняка ещё и заучка.*

"Зубрилку" звали Наталья Судакова и, в целом, она производила впечатление разумного человека.

Полина, которую я в лазарете "лечила" от голодания и ещё две барышни ей подстать, то есть с милovidными лицами, не отягощёнными признаками глубокого интеллекта, поджав губы никак не комментировали факт моего появления. Подружек нашей безнадёжно влюблённой блондинки звали Дарья Андреева и Виктория Дорохова.

Ещё две девушки стояли особняком. И сразу становилось понятно, что обе – отдельно взятые единицы.

Одна из них – стройная красивая брюнетка, замерла у своей кровати, сложив скрещенные руки на довольно пышной груди. Вся какая-то "острая", наверняка нервная – она вызывала ассоциацию с бойцовским ёжиком.

По горделиво поднятому подбородку и независимой позе, я догадалась, что это – та самая Ангелина Русакова – бесстрашная "разведчица" класса, имевшая горячий нрав, собственную точку зрения на всё, говорившая обычно то, что думает и готовая в любой момент к спору или вызову.

Вторая – тоже очень красивая девушка с тёмными, мелко вьющимися волосами и очень характерной внешностью. Но от остальных она отличалась не только этим.

Саломея Даддани – дочь Владетельного князя Мегрелии Давида I Даддани – была явно более зрелой, что ли. Такое впечатление, что она, в противовес остальным, росла в совершенно другой среде. Кроме этого, весь её образ нёс на себе явный отпечаток благородства. Поза, в которой стояла эта красавица тоже отличалась независимостью, но не горделивостью, как у Русаковой, а, скорее, глубоким чувством собственного достоинства.

Одарив меня сдержанным, но довольно приветливым кивком, она спокойно и уверенно занялась своим делом – разложила вещи и взялась переплетать косу.

Вошедшая вслед за одноклассницами фройляйн Марта, подошла ко мне и остановилась, склонив голову на бок и сложив руки в замок.

– Рада фашему фысдоррофлению, мадемуазель Алиса. Натееюсь, эта ситуация научила фас плагоразумию и фы больше никокта не станете потфергать сфоё сдоррофье такому неофрафтанному риску.

– *Надо думать, мне подобный идиотизм и в голову никогда не придёт.* – подумала я, но вслух поблагодарила немку за заботу, отмечая, что даже не раздражаюсь на эту небольшую нотацию. Я бы на месте классной дамы ещё не такую взбучку устроила на подобную непроходимую тупость. – *Ну не все же здесь такие балбески. По крайней мере на первый взгляд. Даже непонятно, как они до такого додумались и любопытно, что думают теперь.*

– Мадемуазе-е-ель! – встав посреди комнаты, громко хлопая в ладоши, провозгласила фройляйн Шулер, – Не забудьте, что через тесять минут урок в танцефальном классе! Натееюсь, мне не притётся краснеть са фаши опостания!

На этом она вышла из дортуара и атмосфера в комнате резко ожила.

– Ну что, Алисочка, каково чувствовать себя опозоренной?! – вздёрнув нос ехидно поинтересовалась Полина. – Не сумела выдержать испытание чести?!

– *Бо-о-же, сколько натужного пафоса и глупости!* – брови мои изумлённо полезли наверх.

Блондинка, видимо, никак не могла простить мне резкие слова, сказанные тогда в лазарете. К тому же вела она себя там гораздо скромнее. А тут, видимо, чувствуя за спиной поддержку подружек, решила выступить с обличительным спичем.

– Да! Нас тогда, между прочим, всех наказали! – подвякнула Дарья, полыхнув "праведным" негодованием.

– Душечки, ну давайте не будем ссориться. – беспокойно засуетилась рыжая Танюша, стремясь погасить зарождающийся скандал.

– погоди, Татьяна. – я встала со своего места и повернулась к ним лицом. Губы мои сами собой изогнулись в саркастической улыбке.

– Это ты что сейчас хотела сказать? – не дожидаясь, пока третья "звезда" откроет рот, чётко и громко спросила я, – Что я, видишь ли, имела наглую бесчестность (или как тут принято выражаться?..) не сдохнуть и не валяться сейчас гордо, но совершенно бесславно где-нибудь на кладбище?

Все удивлённо воззрились на меня. Кажется, от Алисы здесь подобных речей никто не ожидал. Я же в упор разглядывала блондинку.

– Что-то не пойму, какого чёрта тогда ты сама отступилась от собственного "святого завета" доказать непонятно кому свою великую любовь и спокойно взялась за ложку? Или к вопросам девичьей гордости и чести у тебя строго избирательное отношение?

Блондинистый угол ринга, во главе с о своей предводительницей, начал наливаться краской.

– Полина, ты – дура. – спокойно и веско констатировала я, – Но даже такой дуре, как ты, хватило крошки разума, случайно заблудившейся в этой пустой голове и банального страха, чтобы не довести себя до могилы.

Татьяна уже была готова расплакаться от расстройства, но эти нападки и даже намёки на них нужно было радикально погасить в зародыше. Чтобы никто даже глазом не вёл в мою сторону. А то ишь, смелая какая, подняла лапку... Всё! Прежней введомой Алисы здесь больше нет.

– Как ты выражаешься?! – всё-таки возмущённо пискнула Виктория. Сама Полина, кажется, потеряла дар речи от моего напора, – Выразаться такими словами – неприлично для порядочной мадемуазель!

– Неприлично, моя дорогая, в таком-то возрасте не иметь мозгов! И элементарного чувства самосохранения, подвергая свою жизнь опасности под такими нелепыми предложениями. Ку-ку, девочки, очнитесь! Это не игрушки! И не книжки!

Полина всё-таки набрала полную грудь воздуха, намереваясь, видать, излиться очередной глупостью, но в этот момент помощь пришла, как говорится, откуда не ждали.

– Молчи уже, Полинка! Всё верно она говорит! – вдруг решительно высказалась "разведчица", до сих пор молча, озадаченно смотревшая на меня со своего места. В какой-то момент удивление на её лице сменило одобрение и даже, не побоюсь этого слова, восхищение, – Дурость учинили, так надо хотя бы выводы делать!

– Но ведь мы все тогда так решили! – попробовала было попытаться отбиться скандалистка.

– Во-первых, не все! Вон, Саломея сразу говорила, что это всё неправильно, только никто не слушал. Хватит, говорю. Все уже всё поняли, только вы втроём изображаете фанатичных идиотов. Хотя, ни одна из вас совершенно точно не хотела бы оказаться на месте Алисы и умереть из надуманного упрямства. – окончательно припечатала Русакова, – Давайте на урок собираться, пока не опоздали.

Белобрысой троице пришлось проглотить невысказанное возмущение. Польшая розовыми щеками, институтки нервно развернулись и направились на выход. Остальные, включая Софью, ошарашенно молчали, но тоже зашевелились, догоняя одноклассниц.

В комнате остались только я и княжна Дадияни. Всё время ссоры она, хмуря богатые брови, наблюдала за мной. По выражению лица я поняла, что, по сути – она со мной согласна. Но крепкие выражения, которыми я осыпала нападающую сторону – не одобряла. То есть с содержанием – всё правильно, а вот с формой – не очень, чтобы очень.

– Ну да, может и не прилично институтке так чертыхаться. Но я же – не они! – остывая от горячки "боя" и включая холодный рассудок, постаралась взять себя в руки и оценить всё произошедшее. – А вот с княжной этой, пожалуй, стоит и поближе познакомиться. Судя по всему, она – единственная, у кого в этом курятнике есть и мозги, и выдержка. Пусть скандалит и не стала, но свое разумное мнение, отличное от всех участниц той эпопеи – озвучила.

10

– А ты почему не ушла? – поёжившись, устало спросила соседку. (В лазарете-то было потеплее.)

Постоять за себя я умела всегда. Но это вовсе не значит, что мне нравится скандалить. То есть прятаться от нападающих не буду, но, если есть возможность избежать бестолковой стычки – именно так я и сделаю. Сегодня такой возможности не оказалось.

– Нога немного повреждена. – впервые я услышала её мелодичный голос, – Поэтому меня тоже на несколько занятий освободили от танцев.

Немного помолчали.

– Не одобряешь? – поразглядывав "свою" форму, лежавшую на кровати, подняв на неё взгляд, спросила я.

Саломея тоже подняла на меня свои спокойные глаза, но снова промолчала.

– Поня-атно. – выдохнула я. – Только я считаю, что за такие нападки нужно давать по... В общем, отпор нужно давать!

– Нужно. – согласилась она, – И оставаться при этом дамой.

– Вообще поражаюсь твоей выдержке! – не удержалась я, – Даже бровь не дрогнула за всё время этой некрасивой перепалки.

– Самое важное и самое трудное для мощного духа – это уметь сдерживать себя: пруд спокойно стоит в долине, но чтобы сдерживать его – нужны горы.

– *Кхм*, – внутренне поперхнулась я, – *хорошее высказывание, но точно не про меня... Как же это всё на себя натягивать?* – возвращаясь к платью и прилегающей "сбруе" озадаченно подумала я.

Пошевелила правым плечом – было всё ещё болезненно это делать, к тому же рука плохо поднималась вверх. Опять погладила грубую ткань. Настолько грубую, что она казалась как будто накрахмаленной.

– Да уж, камлот* – это не шёлк. – слегка усмехнувшись отреагировала княжна, заметив мои манипуляции, и тут же, на моё счастье, продолжила, – У тебя рука ещё не прошла? Давай помогу одеться.

Оу, это она вовремя помощь предложила.

Если описать всё "снаряжение" воспитанницы института, прям начиная с чудовищных панталон – получится приличный список.

К местному, шокировавшему в первый момент, нижнему белью, я уже худо-бедно потерпелась. Ну, понятное дело, тонкая сорочка – это всё и так уже было на мне. Теперь предстояло освоить корсет. Это зверское приспособление, может, и способно любую кривобокую толстушку сделать стройной ланью, но находиться в нём, я вам доложу, невозможно.

– Может немножко послабже? – крикнув, жалостливо попросила я княжну, сноровисто стянувшую на мне шнурки "бронжилета", – А то ещё пока что-то дышать тяжело.

Глянув на меня пронизательным взглядом, Саломея всё-таки исполнила просьбу.

Если бы не непривычный, сковывавший движения корсет – с платьем было бы всё просто. Разве только, чтобы застегнуть крючки – всё равно нужна помощь. Не знаю, как они делают это самостоятельно с такими узкими, хоть и короткими рукавами.

С фартуком всё тоже более-менее понятно. А вот эти привязывающиеся к рукавам "рукавички"? (Так эту деталь назвала моя помощница) Это же вообще архаизм какой-то. Хотя, поразмыслив немного, я поняла, что так легче поддерживать опрятный вид – эти штуки, наверняка, очень быстро пачкаются у сидящих за партами учениц. А постирать запчасть – гораздо проще, чем платье целиком.

– И зачем вообще было делать эти компоненты формы белыми? Это же совершенно непрактично! – размышляла я, наблюдая, как моя добровольная помощница привычно справляется со всей этой кучей тряпья.

Довершали образ пелеринка, которую я не стала пока надевать, тёмные чулки и повергающие в отчаяние башмаки. Тяжёлые и неуклюжие. Завязки крест накрест спереди изящества обуви не очень-то добавляли – туфли просто семафорили о том, что они казённые.

Пока занимались приведением меня в порядок – не заметили, как пролетело время и колокол возвестил обед. Решив, что одноклассницы пойдут в столовую прямо из танцевального класса, мы с новой знакомой чинно потопали туда же.

Дорогой я пыталась заглянуть в каждую неплотно закрытую дверь и размышляла, где бы, по логике вещей, могло располагаться нужное мне зеркало.

– Судя по размеру и изысканности резьбы рамы – возможно это какой-нибудь актёрский зал, например... Или... ну не знаю. Просто в коридоре такую красоту вряд ли поставили бы.

Уже спустились на первый этаж, как увидели, что навстречу нам со стопкой писем в руках торопливо идёт озадаченная девушка в сером форменном платье – та самая, с которой я уже успела столкнуться в коридоре утром.

– Мадемуазель Саломея! – увидев нас и оживая лицом заговорила она, – Вы не могли бы меня выручить?

– Да, мадемуазель Антипова, чем я могу вам помочь?

– Эту почту следует отнести в комнату для классных дам, а я не успеваю – передали, что срочно вызывает госпожа начальница института. Вы не могли бы сделать это за меня?

Княжна переступила с ноги на ногу и я поняла, что ходить ей сейчас с подвёрнутой ногой и в самом деле затруднительно, но отказывать этой симпатичной девушке тоже не хочется.

– Давайте я отнесу. У княжны повреждена нога. – тут же предложила я, оценив возможность отблагодарить за помощь мою спутницу, а заодно и без чужого участия немного оглядеться в здании.

– Буду благодарна вам, мадемуазель Вельф. – девушка признательно улыбнулась мне, всучила стопку конвертов в руки и свернула в одно из боковых ответвлений коридора.

И тут я вспомнила, что совершенно не представляю, куда идти.

– Саломея, а какую из комнат она имела ввиду? – осторожно спросила я.

– Думаю ту, в которой классные дамы собираются вечером попить чаю и проверить почту.

– Наверху? – наугад переспросила я.

– Ну да, – удивлённо посмотрела на меня спутница, – второй этаж, вторая дверь.

– Подожди меня возле лестницы – я быстро. – кивнув княжне, поторопилась в указанном направлении.

Поднявшись обратно по низким и, казалось, бесконечным ступеням обнаружила, что "вторая дверь" есть и справа и слева. На всякий случай тихонько постучав, толкнула левую. За ней оказалась небольшая комната с довольно уютной обстановкой. Первое, на что наткнулись глаза – небольшой буфет с симпатичным голубым чайным сервизом.

– Мадемуазель Вельф? – неожиданно раздался знакомый удивлённый голос, – Что вы здесь делаете?

За столом на стуле с высокой спинкой за чашкой чая сидела маман.

– Э-э... Добрый день, госпожа инспектриса, – я исполнила книксен, собираясь с мыслями, – Вот, попросили передать.

С этими словами подошла и положила письма на стол, продолжая незаметно разглядывать комнату.

– Благодарю, мадемуазель, отправляйтесь на обед. Будет нехорошо, если вы опоздаете. – мадам взялась перебирать почту.

Я развернулась к дверям и замерла на месте. На стене, справа от двери, во всей красе висело МОЁ зеркало.

Забыв про маман и вообще про всё на свете, я рванула к заветной цели. Руки сами собой потянулись к той части, где в раме был дефект. Ровно в том же самом месте не хватало фрагментов.

– Мадемуазель?! – возвращая меня в чувство, изумлённо воскликнула инспектриса.

Я, вцепившись в зеркало, едва заставила себя оторвать от него руки. В голове сумбурно металась мысль:

– *Здесь рама тоже повреждена. Это значит что? Если её починить – зеркало работает "на выход"? А если забросит ещё куда похлеще? Да не-ет, не должно. Раз в моём времени оно в мастерской – значит туда же и приведёт.*

На сто процентов уверенности, конечно нет, но и выбора – тоже. Надо было прямо сейчас найти способ и повод для того, чтобы отреставрировать раритет и использовать единственный шанс вернуться домой.

* **Камлѳт** (от фр. camelot – «ткань из шерсти ангорской козы») – шерстяная, полушерстяная и хлопчатобумажная ткань обычно тёмного цвета для пошива женской и мужской одежды. В России камлот известен с первой трети XVIII века.

11

– Какая прекрасная работа! – нарочито восхитилась я, чтобы как-то оправдать свой порыв.

В зеркале, кстати, и в самом деле отражалась именно я. Если отрезать косу – так вообще мы с моей далёкой родственницей были необыкновенно похожи. Те же синие глаза, высокий лоб, тёмные густые брови от природы хорошей формы, аккуратный нос, не слишком пухлые, но симпатичные губы. Разве что моё родное тело, вследствие бесконечных тренировок, было не таким мягким и тонким.

– Да, вещь действительно достойная... – ещё больше оторопев от моего заявления рас-терянно проговорила инспектриса.

– Уважаемая мадам. – затягивая время в попытках подобрать правильные слова, торже-ственно начала я, – Это очень печально, что в таком совершенном заведении, как наш инсти-тут, прекрасная вещь стоит без починки.

Маман сглотнула, видимо, не зная, как реагировать на мои слова

– *Боже, что я несу?!* – понимая, что нахожусь на грани провала, запаниковала я.

– Но... фрагмент утерян, а мастеров на такую тонкую работу до сих пор не было. Вы же знаете, что учитель по токарному делу появился у нас только в этом году*.

Было понятно, что подобные темы вряд ли в повседневной жизни обсуждались маман с воспитанницами, но просто прервать мои... излияния и выставить за дверь – тоже было, вроде, не за что.

– А в самом деле, почему мне до сих пор не пришла такая замечательная мысль? Надо обязательно попросить господина Савицкого заняться этим вопросом. – на моё счастье, мадам неожиданно заинтересовалась идеей о реставрации.

– А если, вдруг, у господина Савицкого, вследствие занятости, не найдётся для этого вре-мени – я могу попробовать сделать это сама. – с энтузиазмом продолжила я развивать мысль.

– Боюсь, мадемуазель, это заявление несколько... самонадеянно. – подозрительно поко-сившись в мою сторону, охладила мой пыл Римма Ефремовна, – Ваше обучение по этому пред-мету только началось, а здесь требуется определённое мастерство.

– Если вы позволите, я хотя бы попробую. Помнится, в детстве батюшка, ради развле-чения, показывал мне некоторые приёмы. Сам он увлекался в свободное время вырезанием маленьких деревянных игрушек. Я их очень любила. – пришлось на ходу сочинять подробно-сти собственной биографии. – Разрешите меня экзаменовать.

– Посмотрим. – очевидно маман уже просто не знала, как от меня отделаться, – А сейчас ступайте на обед.

Можно было бы удовлетвориться тем, что учитель починит зеркало и я им воспользуюсь. Но тут возникал ряд опасений: а вдруг этого Савицкого самого занесёт в наш мир. В голове тут же нарисовалась совершенно дурацкая картинка – почтенный педагог института благородных девиц – в двадцать первом веке и почему-то в моём собственном родном теле.

– *Тьфу-ты!* – я аж тряхнула головой, смаргивая нелепое наваждение.

Или вдруг он плохо выполнит работу и портал не сработает? В общем, нужно было всё сделать самой.

– Конечно, мадам. Спасибо. Это было бы практично – вместо изготовления примитивной бесполезной вещи попробовать исправить дефект такого прекрасного предмета. – уже направ-ляясь к двери, на ходу я продолжала искать весомые аргументы, – К тому же мне бы очень хоте-лось оставить какую-то память в институте, который столько лет был для нас родным домом. Всё-таки, выпускной класс.

– Ну хорошо. Раз вы считаете, что это вам под силу, я поговорю с Николаем Степановичем и попрошу его разрешить вам попробовать. – уступая моей настойчивости, подняв брови и покачав головой, согласилась маман.

На первом этаже возле лестницы меня памятником терпения дождалась Саломея.

– Беседовали с мадам инспектрисой. – отвечая на её немой вопрос, пояснила я.

Пока дошли до столовой – успела выяснить у княжны, что эта девушка в серой форме – Ольга Антипова – пепиньерка**. А сама Саломея, в отличие от многих, не с раннего детства обучается в Смольном. Она попала сюда после смерти матери, всего два года назад, по настоянию отца, который боялся не справиться с воспитанием дочери. Именно поэтому имеет более широкие представления о внешнем мире и реалистичные взгляды на жизнь.

Унылая двухцветная столовая встретила меня рядами длинных скучных столов и стульев, за которыми уже сидела часть воспитанниц разных возрастов, совершенно одинакового облика. Некоторое оживление в общую картину вносили только цвета формы институток. Как краски в палетке художника, выделялись кофейная, голубая и наша зелёная зоны.

Порции тоже удивили скудностью содержания и размеров. На первое – суп без мяса с перловой крупой, на второе – это самое мясо из супа, нарезанное тонкими ломтиками по три на тарелку и сдобренное чем-то вроде мучнистого соуса. В госпитале всё-таки было как-то не только потеплее, но и посытнее.

Единственное, что внесло приятное разнообразие – вместо традиционного чая сегодня давали жидкий ягодный кисель. Это послужило предметом негромких восхищений за столами – чай всем давно надоел.

В районе каждого класса бдительными церберами стояли классные дамы и пепиньерки, строго следя за дисциплиной.

Всё происходящее лично на меня навевало тоску, хотя сами ученицы несчастными вовсе не выглядели – наверное уже привыкли.

Вечером меня ждала ещё одна новость. После прогулки по институтскому саду (ну как прогулки... строевой ходьбы парами под присмотром пепиньерки в строго заданном направлении с шестами за спиной, удерживаемыми в локтях согнутых рук – для укрепления осанки) меня пригласила в ту самую учительскую комнату фройляйн Марта. Кроме нас в данную минуту здесь никого не было.

Я внутренне насторожилась. Усадив в кресло, она странно, я бы сказала, сочувственно посмотрела на меня и отдала незапечатанное письмо. (Ну то, что почту воспитанниц здесь вскрывают и перечитывают – знают, наверное, все, так что это как раз неожиданностью не стало.)

Со вполне объяснимым любопытством я извлекла из конверта листок и принялась читать. Послание оказалось от дядюшки. Марта тактично отошла к окну.

Опуская всякие "Здравствуй, любезная моему сердцу племянница, пишет тебе once***...", суть сообщения сводилась к следующему: все меня тут страсть, как обожают, но по окончании обучения устраивать мою судьбу не собираются. Ибо положение в имении ухудшается и бла-бла-бла.

В общем, и в этом мире я – сирота и взваливать на себя взрослую девицу на выданы никому из родственников не интересно. Спасибо, что платили эти годы за обучение в институте. А дальше мне рекомендовалось озаботиться получением места гувернантки в каком-нибудь приличном доме. Вот и всё. Ну не считая пожеланий здоровья и благополучия и многочисленных приветов неведомо от кого.

– Так вот вы какие, родственнички... С таким уровнем взаимопомощи и поддержки – не удивительно, что российская ветвь нашего рода со временем совсем зачахла.

– Я понимаю твои переживания, Алиса. – фройляйн, заметив, что я дочитала письмо, подошла и села рядом, участливо погладив меня по руке. – И постараюсь присмотреть подходящее место. Но для этого надо трудиться.

– Эх, хорошая ты тётка, госпожа классная дама, хоть на первый взгляд и не заподозришь в тебе подобной сердечности.

– В этом году их высочество с трюмами членами попечительского совета учредили премии для лучших выпускниц. Это твой единственный флот, тefочка.

Было заметно, что немка и в самом деле искренне расстроена проявленным по отношению ко мне родственным безразличием. Подозреваю, что она и сама одинока, а институт для неё – второй дом. А может уже и единственный.

– Мой выход – бегом чинить зеркало. – подумала я. А вслух решительно добавила, – Фройляйн Марта, разрешите мне завтра же выйти на занятия.

– Фот это проффильно, тefочка. – воодушевившись моим настроем (не важно, что мы с ней сейчас рассматривали совершенно разные причины для возобновления моего активного обучения), тепло улыбнулась немка, – Профильно.

*Как ни странно, подобное занятие, в разделе домоводство, и в самом деле появилось в Смольном институте. Правда немного позже описываемого периода.

**Пепиньёрка – девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная при нем для педагогической практики.

***oncle – дядя (фр.)

12

На следующий день вместе со всеми я отправилась на занятия. И тут совершенно неожиданно для себя столкнулась с новой сложностью. При всём своём прекрасном знании французского языка – не понимала, кажется, половины того, что на нём говорили учителя. Обнаружилось, что современный французский и этот старинный – как говорят, две больших разницы.

Пока спасало то, что из-за долгой болезни и пропусков занятий, я многое пропустила и педагоги это понимали, поэтому не спрашивали. А я превратилась в большое ухо, чтобы уловить различия и усвоить новые слова и произношение.

Задирать меня больше никто не рисковал. И вообще одноклассницы начали как-то избегать прямого общения, опасливо косясь в сторону ненормальной "мадемуазель" и прерывая при моём появлении девичью болтовню. Видимо, до меня здесь никто больше так не орал.

Из всех них более-менее складывалось общение с разведчицей, которой и самой палец в рот не клади, миролюбивой Татьяной, которая, кажется, даже с каракуртом сумеет поладить, и очень даже прекрасно с княжной, которой до моего появления здесь было крайне одиноко в этом "детском саду". Даже Софья предпочла несколько дистанцироваться от неожиданно изменившейся подруги.

Меня это более чем устраивало. Потому, что избавляло от необходимости лишней раз объясняться относительно внезапно проснувшегося интереса к столярному делу.

Николай Степанович Савицкий – преподаватель этого самого дела – поначалу просто отправил меня восвояси, когда я объявила ему о своей идее. На его уроке столярный инструмент барышням вообще в руки не давали. То есть предполагалось, что мы должны просто слушать и наблюдать за тем, что делает он.

Пришлось снова топтать к маман и намекать на необходимость содействия руководства. Инспектриса, не смотря на весь свой скепсис, всё-таки выполнила обещание и дала распоряжение допустить настырную меня к инструменту.

Интеллигентного вида худощавый усатый дядька в пенсне, обиженный на меня за обращение к начальству, демонстративно положил передо мной прямоугольную чурку, топорик, сложил натруженные руки на тощем животе и уставился сквозь стекло окуляров. Спасибо, хоть не колун – побоялся, видать, что я сдуру уроню его себе на ногу и ещё на месяц загремлю в госпиталь.

Топорик, хоть и был небольшим, но для меня всё равно тяжеловат. Взяла его в руки и покачала в воздухе, оценивая свои и его возможности.

– Ладно, сучарь, будет тебе демонстрация народного творчества. К инспектрисе больше не побегу. В конце концов, никто здесь, надеюсь, не рассчитывает на то, что я этим топором скульптуру коня сваяю? – собравшись с духом и хорошенько примерившись, за несколько минут обстругала из кривой чурки вполне приличную заготовку, например, для ножки под табурет. *– Ну вот, простенько и со вкусом.*

Окуляры столяра вместе с усами медленно поползли вверх. Пришлось заново пересказывать историю, рассказанную для маман. Экзамен был сдан – консенсус практически достигнут. Господин Савицкий выразил свои восхищения по поводу моих навыков Римме Ефремовне и мне было официально дозволено в свободное от занятий время упражняться в классе для трудовых занятий.

Как всякий учитель, к предмету которого воспитанник проявил искренний интерес, Николай Степанович быстро проникся ко мне симпатией и участием к самой затее. Его личный инструмент, конечно, не являлся пределом совершенства, поэтому, работа продвигалась ещё медленней, чем дома.

– *Ничего-ничего*, – утешала себя, пока высунув язык корпела над многослойной заготовкой, – *Раз в это время сей шедевр смогли выточить, значит и я сумею. Тем более, что мотивации у меня для этого – хоть отбавляй.*

Опять же, эту работу я уже один раз выполняла.

В общем, как говорят в сказках – долго ли, коротко ли – а момент, когда фрагмент был готов, водворён на место, рама залакирована и, наконец, хорошо просохла – всё-таки наступил. Само зеркало, для удобства вынутое из рамы, временно перенесли в класс. Всё было готово к эксперименту.

– Давайте понадёжнее установим его у стены, чтобы не дай бог не разбилось, и осмотрим, как это выглядит со стороны. – предложила я.

Присутствие пепиньрки и учителя меня не смущало – мысленно я вообще уже была дома. Сердце колотилось где-то в горле, пока уже на сотый, наверное, раз заново восстанавливала в памяти всё, что сделала тогда – в мастерской.

Подошла к зеркалу, закрыла глаза и, затаив дыхание, огладила раму в месте вставленного фрагмента...

Ничего не произошло.

– *А глаза-то я зачем закры-ла?!* – отругала себя, вспоминая, как в зеркале проявлялся коридор института.

Уставилась в зеркальную гладь и снова протянула руку к нужному участку, отмечая, что пальцы практически не замечают места стыков.

И снова ничего не происходило. Всё тот же класс, восхищённый преподаватель рядом, улыбающаяся пепиньрка – никакого головокружения и помутнения картинки.

Сдавливая грудь, из самых глубин удушливо поднимались паника и отчаяние. Я не понимала, почему портал не сработал. Почти готовая разрыдаться, снова и снова осматривала раму, каждый миллиметр трясущиеся руки медленно ощупывали дерево – всё было в порядке. Но ничего не происходило!

– Чем вы так огорчены?! – заметив моё состояние, обеспокоенно спросил Николай Степанович, – Мне кажется, всё получилось просто изумительно!

– Вам нехорошо, мадемуазель?! – тоже засуетилась наблюдательница.

– Нет, всё в порядке. – я поняла, что мне просто необходимо сейчас отсюда уйти, иначе точно разревусь.

Выговорив что-то невнятное про неважное самочувствие, едва переставляя ноги, пошла из класса.

– Я вас провожу, Алиса. – участливо и решительно заявила девушка и подхватила меня под руку.

Свидетели мне сейчас были совершенно не нужны, но отказаться не было никакой возможности. К тому же, вдруг, ощутила, как слабеют колени и в самом деле кружится голова и перестала сопротивляться – могла ведь в самом деле самостоятельно не дойти до кровати.

– *Что же не так? Что же не так?!* – мы медленно брели по коридору в сторону дортюара. – *Надо успокоиться, взять себя в руки, вернуться и попробовать ещё раз, пока зеркало не унесли на положенное ему место. Как бы ещё случайно не грохнули по дороге. Да нет... За такое маман голову открутит – будут аккуратны. Стоп! "Не грохнули..."* – повторила я собственные слова, останавливаясь, как вкопанная, посреди лестницы.

И едва не застонала в голос, осмысляя только что промелькнувшую догадку. Дома в папиной мастерской я в момент "перехода" придерживала зеркало одной рукой за раму. То есть оно не было ничем закреплено. Очевидно, что в момент моего падения оно тоже упало и наверняка разбилось.

– *Нет! Только не это! Пожалуйста!* – вспоминая в мельчайших деталях обстановку мастерской, окончательно приходила к выводу, что зеркало сто процентов должно было разбиться – за моей спиной тогда как раз находился острый угол стола.

Так что я могла теперь хоть бегать вокруг этого – местного, хоть прыгать, хоть понюхать, хоть лизнуть, хоть станцевать с бубном – результат останется прежним.

– Может быть к доктору, мадемуазель? – уже пугаясь не на шутку, спросила девушка.

– Нет, благодарю вас... пожалуйста, просто в кровать. – глядя в пол, сипло попросила я – горло свело судорогой сдерживаемых слёз.

Едва добравшись до постели, зарылась под одеяло и беззвучно заплакала. Хотя желание было – просто выть. Душечки переживательно потолклись у моей кровати, но из своего убежища я так и не вылезла.

Доктора ко мне всё-таки притащили. Пришлось прикинуться спящей. Лев Петрович списал всё на переутомление, решил, что рано меня отпустил в пучину бурной ученической деятельности, велел не будить и завтра оставаться в кровати.

13

Утром и в самом деле проснулась больная. В дортуаре было пусто – одноклассницы, видимо, были на занятиях. Странно, даже не слышала ни колокола, звеневшего подъём, ни звуков их сборов.

Хотя, чего странного – всю ночь протаращила в белый потолок, пытаюсь осмыслить, оценить ситуацию, поискать какой-то выход. А выход никак не находился. Раз за разом прокручивала всю цепочку событий и возвращалась к единственному выводу – я здесь навсегда. Слезы отчаяния сами собой катились по вискам, заливая волосы и подушку. Даже не помню, в какой момент организм милосердно отключился, и я уснула.

Теперь голова была тяжёлой и совершенно отказывалась думать. Всё тело почему-то ломило, как будто накануне весь день таскала мешки с картошкой. Лицо, даже по ощущениям, от слёз распухло так, что не хотелось смотреться в зеркало. Шевелиться тоже не возникало ни малейшего желания.

Надо было как-то вытаскивать себя из этого состояния обмороженного отупения. С этой мыслью я снова уснула.

Глаза открыла уже к обеду. В комнате по-прежнему было пусто, а на тумбочке возле кровати стояла моя порция еды. При виде её сперва замутило. И тут же, противореча этому факту, в животе заурчало. Организм, игнорируя мои переживания, имел личное мнение на этот счёт, всё-таки, хотел жить и требовал "топлива".

Пришлось сесть и нехотя засунуть пару ложек в рот. А там, знаете, и само пошло. Слопав свой обед, снова упала на кровать и задумалась. Еда подействовала успокаивающе. По крайней мере, нервы немного улеглись и в голове прояснилось.

– Нравится мне или нет, придётся принять ситуацию такой, какая она есть. По крайней мере до тех пор, пока не придумаю чего-то другого. – размышляла я, уже понимая, что ничего "другого" придумать невозможно. Просто смириться с данностью в одночасье было не по силам. *– Ладно. Посмотрим, что у нас есть: ближайший год крыша над головой есть, кусок хлеба тоже. Да, окружение "не фонтан", но это временно. Дальше вообще перспективы размыты.*

– На поддержку от родственников можно смело не рассчитывать – об этом совершенно определённо сказала дядюшкино письмо. Униженно проситься бедной родственницей назад – увольте. Что остаётся? Фройлян сочувствует, обещала попытаться помочь, но получится ли? Вопрос...

– Ещё она что-то говорила про какие-то премии от попечительского совета. Эх, зря пропустила мимо ушей эту информацию. Надо будет выяснить поточнее – похоже, это и в самом деле мой единственный выход.

– Так, допустим, получу эту самую премию. И что буду делать с деньгами? Я ведь абсолютно не знаю, что на самом деле творится за забором института. И узнать – никакой возможности, пока не выйду за ворота. Княжна! Она хоть немного владеет полезной информацией. Хорошо, что мы подружились – есть возможность аккуратно повыспрашивать, да послушать. Однако, она та ещё молчунья. Ничего, найду способ – хотя бы просто поговорить о её семье. Блин! Она – иностранка... Ладно, разберёмся.

– Теперь с самой премией. Насколько помню, дают её лучшим ученицам. А я даже местами не сразу разобрать могу, что они там лопочут на своём древнем французском! Придётся учить заново. И не просто "трудиться", как выразилась Марта, а, похоже, пахать.

– Ладно, это нам не привыкать. Зато, я давно перечитала всё, что они тут изучают, отлично владею точными науками, физика-химия – тоже на уровне – в своё время уже при-

ходило подтягивать учёбу. Да и руки, вроде, из правильного места растут. Это что касается всяческого домоводства. Выбора, в любом случае – нет.

К этому времени общий обед закончился, и в коридоре послышались голоса возвращающихся в дортуйар институток, под предводительством фройляйн Марты.

– Как фы себя чуфстфуете? – спросила она, подойдя к моей кровати и внимательно разглядывая лицо.

– Уже лучше, благодарю. Если позволите, я бы хотела поговорить с вами. Наедине.

– Посже, мадемуазель, кокта девочки отпрафятса на прокулку, я потойту к фам.

– Благодарю, фройляйн Марта, вы очень добры ко мне. – совершенно искренне ответила я.

Она ушла, а я по-новому рассматривала своих соседок – как ни крути, а с ними теперь целый год существовать в одном замкнутом пространстве.

– Ты как? – подседа на кровать рыженькая Танюша и погладила меня по руке.

Обычно всегда раздражало, когда ко мне прикасались посторонние люди. Но Танюша была настолько искренней, что даже дёрнуться не захотелось.

– Получше, спасибо. – улыбнулась ей.

– Алиска, ты прекращай уже пугать своими обмороками да переменаами настроения. А то вон наша "святая" троица уже мимо тебя ходить опасается. – широко улыбаясь, съюморила разведчица Ангелина.

– Смешное, однако, сочетание имени и характера, – пришло в голову.

Приведя себя в порядок и нацепив уличные "чепчики" и верхнюю одежду, барышни потянулись на прогулку. Саломея дождалась, пока основная масса выйдет и тоже приблизилась ко мне.

– Алис, если тебе нужна моя помощь – обращайся в любое время. – тихо и убедительно сказала она и пошла догонять остальных.

А я осталась дожидаться фройляйн Марту.

Чтобы не терять зря времени – залезла в теперь уже точно собственную тумбочку и устроила там глобальную ревизию, в поисках учебников и рабочих тетрадок. До сих пор сделать это даже не приходило в голову, ибо я относилась к этим вещам, как к чужим и личным. Пришло время пододвинуть природную деликатность и разобраться в том, что из имущества Алисы может мне помочь.

Тетрадки нашлись. Правда пользы от них было не так уж и много, как хотелось. Видимо, Алиса была не самой прилежной ученицей. А может я сейчас ошибаюсь, и ситуация в записях у всех институток одинаковая – я же не видела.

Значит, помочь мне могут две вещи: упражнения и работа над ошибками с княжной – она, насколько я успела отметить – одна из явных претенденток на первые места по итогам обучения, а второе – учебники.

Если с первым пунктом всё реально – Саломея сама уже предложила свою помощь и от обещанного не откажется. За это можно ручаться. А вот с учебниками в институте дела обстоят плохо. Из того, что я видела – вообще сложно догадаться, откуда у воспитанниц должны взяться знания. Вся информация к институткам поступает со слов учителя. Даже литературу они изучают из вольных пересказов преподавателя, который, я вам доложу, тот ещё фрукт. Но это – отдельная песня.

Все малочисленные экземпляры учебников и книг – хранятся в классном шкафу под замком. Караул!

Едва я успела обратно навести видимость порядка, как дверь отворилась и "фошла" фройляйн Марта.

– Что фы хотели мне рассказать, Алиса? – присев на стул возле койки, спросила она.

Когда никого вокруг не было, я заметила, её обращение ко мне несколько смягчилось – по крайней мере, не использовала без конца до сих пор резавшее ухо "мадемуазель".

– Да я не столько рассказать, сколько спросить... или даже попросить. – начала я, – Если вам не трудно, расскажите, пожалуйста ещё раз возможно подробнее, за какие заслуги попечительский совет обещает премии и какого они предполагаются размера. Это ведь доступная для учениц информация?

– Та, Алиса, эти танные не претставляют польшого секрета. По итогам опучения, перфых три ученицы получают восемьсот, шестьсот и четыреста руплей соотфетстфенно.

– Ого! – не удержалась я, – Это большие деньги.

Даже моего уровня начитанности хватило, чтобы понять, что обещанные суммы – и в самом деле внушительны для этих времён.

– Но тля этоко неопхотимо пройти экзамен, который путет демонстрирофать не только фаши снания, но и мастерстфо, и манеры. И тут неопхотимо очень стараться – ну кута готитса это фот фаше "Ого!" – немка красноречиво передразнила меня. (Чего я, кстати, никак от неё не ожидала.)

– Я поняла вас, фройляйн Марта. – не моргая медленно кивнув головой сказала я. – Я буду очень стараться и следовать вашим советам неукоснительно. Однако, есть вопрос, который без вашей помощи решить совершенно невозможно.

– Гофорите, тефочка.

– Мне нужны учебники.

14

– Что? Учебники?! – Марта изумлённо подняла брови, замолчала и надолго задумалась.

На самом деле, то, о чём я её сейчас просила – прямое нарушение правил института. С другой стороны, никто и никогда ещё в этих стенах не проявлял подобного рвения. Воспитанницы обучались, как говорится, "по-накатанной" системе и не забивали голову лишней инициативой.

Немка понимала мою ситуацию и, как человек стойкий и дисциплинированный, оценила то, что я сумела взять себя в руки и нацелилась на победу. Я видела, что она очень хочет мне помочь. Не знаю, что служило этому причиной – родственные корни, схожий характер или жизненная ситуация – может и всё это вместе, но она сейчас сидела передо мной и на самом деле искренне искала для меня выход.

А я молилась, чтобы она его нашла.

– Это очень неоштанная просьба, тэфочка. Но очень хорошо, что фы проявляете такую стойкость и целеустремлённость. – блеснув зелёными глазами, наконец, заговорила она, – Не опецаю, что сумею помочь...

Тем не менее, судя по тому, как фройляйн, отвечая на собственные мысли, кивнула головой, какой-то шанс у меня всё-таки появился.

– Мне нато опсутить этот фопрос... – она задумчиво поднялась со своего места и прошлась по комнате, – Та, нато опсутить... Это очень хорошо! Та.

– Спасибо вам. – наблюдая за её перемещениями, поблагодарила я.

– Пока не са что. Прифотите сепя ф поряток. А что касается просьбы – скоро мы поймём насколько это фосмошно.

Марта ушла, я, вдохновлённая её поддержкой и собственным решением, нарядилась в неудобную форму, заставляя себя привыкать к ней, причесалась на манер местных воспитанниц и села штудировать найденные тетрадки, в которых самому чёрту ногу можно было сломать.

– *Матушки мои, ну что за почерк!* – психовала я, – *Ну какой тут "doux"*?! Когда здесь по смыслу должна быть двойка. "Deux"* – правила я путанные записи.

К тому времени, когда в дортуар вернулись девушки, у меня уже макушка вспотела от напряжения, хотя прошло совсем немного времени.

– Саломея, – обратилась я к княжне, отрывая голову от этого "увлекательного" чтива, – я могу тебя кое о чём попросить?

– Слушаю тебя, Алиса. – с готовностью ответила она.

– Одолжи, пожалуйста, свои тетрадки. Я последнее время столько пропустила, что не знаю, с какого края заново за учёбу браться. – на ходу придумала достоверный предлог.

Ну не говорить же, в самом деле, что я в "собственных" каракулях разобраться не могу. А что-то подсказывало, что в записях княжны должно быть куда больше порядка. Так, к моему облегчению, и оказалось. Более того, моя новая подруга села рядом за общий стол и взялась пояснять конспекты. Стало значительно легче.

Через некоторое время к нам присоединилась Наталья Судакова (которая заучка). Девчонка хоть великими знаниями не блистала, но, как оказалось, была очень старательна. Вот у кого в тетрадках оказалась почти идеальная чистота. Сама многого не понимала, но строчила на занятиях – как заправский каллиграф.

После ужина фройляйн Шулер подозвала меня и, под косые взгляды "светлой" части обитателей нашего дортуара, повела в свою... комнату.

Я сама несколько насторожилась и шла за ней, стора от любопытства, не зная, чего ожидать, но объяснять что-либо публично Марта явно не собиралась. Пропустив меня вперёд, она притворила за нами дверь.

Мы оказались внутри небольшой комнаты, обставленной приблизительно так же, как и все "домашние" помещения института. Всё тот же спартанский уют с минимальным набором полезных предметов. Никаких фотографий в рамочках (хотя, о чём это я, какие фотографии, они появятся немного позже), зато на рабочем столе аккуратной низкой стопочкой лежали... Учебники! В количестве двух штук.

– Мадемуазель фон Вельф. – проникшись ответственностью момента, Марта перешла на официальный тон, – Мне уталось упетить госпошу инспектрису фойти ф фаше положение и, учитыфая такой похфальный учепный энтузиасм, фам расрешено дополнительно заниматься с учепниками пот моим контролем, которые три раза ф нетелю я буту брать тля фас у препо-тафателей.

Из глубины души поднималась горячая волна благодарности. Даже, кажется в голове немного зашумело. Я и предположить не могла, что она пойдёт на такое. Думала, может разрешат в классе поштудировать или там с собой дадут полистать. Надо ж было голову включить, да помышлить, что ни за что здесь драгоценные книги не дадут в руки воспитанницы, да ещё и без контроля.

– Вы в самом деле готовы тратить собственное личное время для того, чтобы я... подтянула учёбу? Но почему? – ошарашенно спросила я.

– Натееусь, фы опрафтаете моё тоферие. – игнорируя мой вопрос, ещё сильнее выпрямляя и без того прямую спину, ответила она. – Та, не нушно растрашать отнокласниц и учителей потропностями фаших санятий. Натееусь фы меня понимаете? – она внимательно, многозначительно посмотрела на меня своими красивыми, хоть и немного "птичьими" глазами.

Я молча покивала, глядя на неё такими же круглыми очами, не зная, какие слова сейчас будут уместны. По всей видимости, "таможня" в лице маман "дала добро", но неофициально. И болтать об этом на каждом перекрёстке не стоит.

– Приступайте. – удовлетворённая моей реакцией, не смотря на её, прямо скажем, скудность, предложила она.

Я села за стол. Сегодня это были учебники по французскому языку и литературе.

Так началось покорение наук в институте благородных девиц.

Естественно, моё регулярное отсутствие на несколько часов не осталось незамеченным в кругу однокласниц. Поскольку я крепко держала слово и не рассказывала, какого свойства у меня случаются отлучки, а то, что в это время посещаю именно комнату классной дамы быстро разузнала наша "разведчица" Русакова – очень быстро вся эта ситуация вокруг меня обросла кучей домыслов и сплетен.

Единственным человеком, кроме части педагогического состава, который знал истинное положение вещей – была княжна. Поскольку она продолжала активно помогать мне грызть пресловутый гранит учёности, к тому же вызывала доверие не только у меня, но и у фройляйн Марты, решено было посвятить её в этот секрет.

За это время мы очень сдружились с умницей-Саломеей. На сей момент она была главной претенденткой будущего выпуска на первую премию. "Обойти" её в этом первенстве, если честно, я даже не мечтала.

Она же очень спокойно относилась к соревновательному моменту, не нуждалась в деньгах и просто реально была толковой и начитанной. Ну, для своего возраста и в сравнении с остальными – просто очень.

Остальная же часть компании свято уверовала, что я три раза в неделю наушничая классной даме, являясь к ней с подробным докладом обо всём, что делается и говорится в дортуаре.

Обстановка складывалась ужасная. Девочки поджимали губы в моём присутствии, прямолинейная Ангелина вообще волком смотрела в мою сторону. Однажды она и не выдержала:

– А ловко ты обделываешь свои делишки, любимица нашей железной фройляйн!

– Что ты имеешь в виду? – отрываясь от тетрадки, рассеянно спросила я.

– Да то и имею, что все понимают. – размыто ответила та.

– Похоже, я одна не понимаю. Скажи уже прямо, что обвиняешь меня в том, что я доношу на вас классной даме. Так? – в лоб спросила я.

– Ну... да. – с вызовом в голосе заявила наша правдолюбка.

– А на каком, простите, основании вы все тут сделали такой вывод? – я обвела присутствующих спокойным взглядом, – Кому-то навредили мои посещения фройляйн Марты? Или я чего-то не знаю? Думаю, дамочки, вам просто очень хочется почесать языки. Ну так, что называется, бог в помощь. Не считаю это своей проблемой. Наслаждайтесь в своё удовольствие своим унижительным базарным развлечением.

И уткнулась обратно в тетрадь.

– Но как объяснить эти визиты? – покрасневшая от возмущения Русакова не могла оставить последнее слово за мной.

– А с чего ты взяла, что их для вас кому-то обязательно объяснять? – спросила я, прямо посмотрев ей в глаза и смутив окончательно, – К тому же, кто-кто, а ты уж при желании точно можешь докопаться до истины. Я тебе её не скажу, потому, что обещала.

Всё время этой короткой перепалки княжна молча улыбалась, поглядывая в нашу сторону.

Больше никто слова так и не промолвил.

*doux – сладкий (фр.)

15

Как я уже говорила, главной претенденткой на первую премию попечительского совета была Саломея.

Второе место, по мнению педагогического состава пока держала барышня из нашего же класса, проживающая в другом дортуаре, но активно дружившая со святой белокурой троицей. Богатая наследница родовитых родителей с неплохим, судя по результатам, интеллектом и дурным характером. (За какие грехи, интересно, этих курочек вполне благополучные семейства сослали в жёсткие условия института – непонятно. На перевоспитание что ли?)

Третье – какая-то довольно тихая девчонка из того же дортуара.

Мне, чтобы добраться до этих вершин, было ещё пахать и пахать. Что я и делала. По большому счёту, заниматься здесь больше даже при всём желании было особо нечем. Ну не чесать же языки с досужими старшеклассницами. Тем более, поговорить здесь на в самом деле интересные темы было вообще мало с кем возможно.

В общем, по результатам небольших тестирований, регулярно проводимых мне Мартой, я упорно шла в гору. Как изначально ни пугал французский – с ним я разобралась на удивление быстро.

Учебник по литературе был до невозможности куцей. Из произведений буквально вырезали куски текста, предоставляя институткам неполный, усечённый вариант. Уж я-то знаю. В своё время, под настойчивым и бдительным наблюдением отца перечитала многое из классики, обсуждая с ним особенности времён и языка. Так что тут мне в институте равных не было. Возможно, в этом вопросе я могла оказаться даже более подкованной, чем сам преподаватель. Главное наоборот, "не спалиться" на собственной начитанности.

Преподавателем литературы оказался толстый безобразный дядька с жёлтым пятном над верхней губой, являвшимся следствием глубокого пристрастия к нюхательному табаку. Тем не менее, сей товарищ оказался предметом тайной и бурной страсти доброй половины ученического состава.

Симпатичных мужиков сюда, кажется, просто не брали. Но самым ужасным в нём были – его стихи. Простите за прямоту, но это же в самом деле "кровь из ушей" – вытерпеть экзальтированные декламации его, с позволения сказать, напыщенных творений, наполненных "утончёнными" и "возвышенными" рифмами из разряда "кровь – морковь" и столь же глубокого содержания.

Причём, демонстрация собственного творчества занимала его лично и время занятий соответственно гораздо больше, чем произведения, включённые в программу. Стишки переписывались в личные блокнотики институток, заучивались наизусть, а само поэтическое дарование подвергалось бесконечным проявлениям преданного обожания, как то: обливание шляпы духами, одаривание подарками и молитвами за благополучие кумира и небожителя.

В итоге, конкретно по предмету, никто толком просветиться особого шанса не имел.

И всё же, больше всего из учебной программы раздражали занятия по домоводству – вы же помните, какая я "великая почитательница" женских рукоделий. Но рассчитать бюджет и приготовить обед давно умею и без этих смешных уроков.

А ещё, неожиданно непросто оказалось освоить уроки танцев. Вот уж где учительница впадала в отчаяние, наблюдая за моими неуклюжими попытками изобразить изящество. В этом вопросе опять пришлось обращаться к помощи княжны. После её спокойных показов основных элементов с небольшой их отработкой, в танцевальном классе почувствовала себя гораздо увереннее, не опасаясь отстать от всех или сбиться с ритма. К тому же, спортивные навыки всё-таки остались при мне и тоже сыграли на руку.

К слову, уроки танцев оказались не так уж и бесполезны, подтянув осанку и улучшив походку. Я уже научилась не шкрябать по полу тяжёлыми подошвами казённых башмаков. Следила за речью и, если не стала эталоном манер, то прилично к нему приблизилась. Тем более, что об этом аспекте мне настойчиво не давала забыть фройляйн Марта, без конца поправляя и одёргивая, как самый дотошный отменный тренер. Впрочем, теперь, к её вящему удовольствию, это происходило всё реже.

– Помни, тefочка, баллы начисляются не только са снания. Но и са нафыки и манеры!

В общем, к новому году, образно выражаясь, вместо "чтоб мне сдохнуть" я уже научилась говорить "croyez mon expérience"*, сносно танцевать, так и не научилась петь (ну не дано, что поделать) и в целом довольно уверенно подошла к моменту промежуточного экзамена. В отличие от итогового, на котором могли присутствовать даже члены императорской семьи, он не был публичным.

Накануне, плотно взяв мои успехи под личный контроль классная дама, заставила меня битый час упражняться и демонстрировать, как я завтра выйду к членам комиссии, как повернусь, какой глубины будет мой книксен и с каких слов будут начинаться мои ответы на их вопросы.

В итоге, все эти действия дошли до полного автоматизма, что позволило достойно пройти испытания и разделить второе место по баллам с вредной из соседнего дортуара.

Как вы понимаете, возмущению и негодованию моих белобрых "обожательниц" не было предела. Никто просто не ожидал, что я смогу так значительно продвинуться в результатах. Свято поклявшись не допустить моего первенства перед товаркой, за мной установили бдительный контроль.

В общем-то, жить это не мешало, больше забавляло. Придраться всё равно было не к чему. Поэтому, со спокойной душой, поддержкой Марты и княжны, продолжила оттачивать в себе даму. (Надо же, она там, всё-таки, обнаружилась.)

Однако, добровольные надзирательницы всё-таки дождались своего часа и моего "прокола". Хотя, как это назвать – каждый рассудит по-своему. Дело в том, что я никогда не смогу смириться с тем, когда обижают слабых. На том, как говорится, и "погорела". Но если бы прошла тогда мимо и ничего не сделала – это была бы уже не я.

В общем, дело было так.

Возвращаясь вечером в комнату с традиционных занятий у Марты, в углу за колонной услышала какую-то приглушённую возню. Я бы, может и не обратила внимания, но в этот момент отчётливо прозвучали угрожающий шёпот и испуганный писк.

Поспешив в этот укромный угол, застала неприятную картину: трое девочек лет одиннадцати зажали в углу "кофейницу"** лет восьми, которая, видимо, первый год находилась на обучении в институте. Больше всех напирала дородная матрёшка внушительных для своего возраста габаритов, изо всех сил пытаясь разжать тощий, намертво сжатый кулачок перепуганной малышки.

Ни секунды не задумываясь, я на полном автоматизме привычным приёмом выкрутила сопящей матрёшке руку и угрожающе нависла над всей этой троицей.

Понятия не имею, каким образом подобная компания оказалась в такой час без пригляда комнатных надзирательниц, но, учитывая, как некоторые барышни умудрялись по ночам пробираться из дортуаров в институтскую часовню, дабы помолиться за предметов своих обожаний, не то, что в коридор – ничего совсем уж необычного в этом не было. Кроме повода, по которому они здесь собрались.

– Что здесь происходит?! – зарычала я, продолжая удерживать нападающую в болевом приёме.

– Отпусти! Мне больно! – мявкнула та.

– Я знаю. Иначе какой в этом воспитательный смысл. Повторяю вопрос. Что здесь происходит?

Толстушка обзлѣнно пыхтела молча. Две её подружки, отодвинувшись в угол, испуганно смотрели на меня. Лохматая, растрѣпанная от неравной борьбы, зарѣванная жертва тихо всхлипывала, присев на корточки, продолжая до синевы сжимать кулачок.

– Покажи. – как можно спокойнее попросила я.

Девочка подняла на меня затравленные глазищи.

– Не бойся, не отберу. Покажи, пожалуйста. – ещё мягче сказала я.

На дрожащей раскрытой ладошке лежала брошка. Не то, чтобы особо дорогая или красивая. Довольно заурядная.

– Это чья? – спросила я.

– Мамина. – прошептала девчонка, продолжая нервно трястись.

– В общем так. Кто хоть пальцем тронет... Как тебя зовут?

– Маша Матвеева.

– Хоть пальцем тронет Марию – будет иметь дело со мной! – напуская в голос угрозу, громким шѣпотом "рявкнула" я. – Всем понятно?!

Вся троица закивала головами. Отпустив, наконец, заводилу, шугнула из коридора. Повернулась вслед за ними и наткнулась взглядом на Полину, замершую в позе превосходства с язвительно-победоносным выражением лица.

*Croyez mon expérience – Поверьте моему опыту. (фр.)

**"Кофейницами" называли учениц младшей возрастной категории за коричневый цвет формы.

16

– Это мамина брошка. – ещё раз пояснила девочка, посмотрев в удаляющуюся спину Полины, – Я утаила её и не отдала на хранение классной даме. Спасибо... Тебя теперь накажут?

– Теперь всем влетит. – "успокоила" я её, поднимаясь на ноги в полный рост и уже зная, что произойдёт дальше.

Думаю, вы уже тоже понимаете, что произошло потом. Опасаясь, что фройляйн Марта захочет утаить или хотя бы смягчить инцидент, блондинка на всех парусах прямым ходом отправилась ябедничать маман – чтобы уж сразу и наверняка попортить мне репутацию. (Хорошо ещё мозгов хватило не бежать до самой начальницы института.)

Да и бог бы с ней, с самой репутацией, но "недостойное мадемуазель поведение" (так потом сформулировали моё участие в конфликте), стало основанием для того, чтобы "срезать" мне с таким трудом заработанные баллы.

Полина расстаралась на славу, расписывая изумлённой инспектрисе ужасную коридорную драку, в которой я, по её словам, буквально едва не искалечила несчастных крошек.

Конечно, истинная подноготная потом раскрылась. И "на орехи" получили все, включая матрёшку с её бандой и саму Полину. (А вот нечего было без дела шариться вечером по коридорам, огорчать и вводить в заблуждение маман) Шум этот не был нужен никому, но дурная девчонка уже подняла пыль до потолка. Чем вызвала раздражение Риммы Ефремовны на свою "светлую" голову, но и достигла цели – мой общий результат уронился куда-то ниже премии, продвинув подружку троицы обратно на второе место.

Кстати, впоследствии, когда событие из уст в уста прошелестело по старшим классами института, за проявленный энтузиазм в фискальстве спетую троицу вместе с подружкой начали несколько сторониться и презирать. Это считалось предосудительным – таков был внутренний негласный кодекс чести.

Мне же пришлось долго объясняться с разгневанной инспектрисой. При этом краснеть и сторгать от стыда за то, что подставила свою классную покровительницу. Однако, сама Марта своей реакцией на всю эту ситуацию ещё больше удивила и покорила моё сердце. Уважение к железной фройляйн по моей личной шкале взлетело до небес.

Она, конечно, тоже получила выговор от прямого начальства, но не очень-то расстроилась. Очевидно, это было не такой уж редкостью и для педагогического состава. Конечно, Марта не пришла ко мне с безоблачным лицом и не хлопнула по плечу со словами, вроде: "Не парься тefочка, фсё это ерунта!"

Железная фройляйн была очень огорчена и откровенно сердилась на меня. Но не за то, что я заступилась за мелкую, грубо говоря, кулаками, тем самым дискредитировала себя и её (Марту) неприличным поведением и порушила плоды наших совместных усилий. А за то, что ПОПАЛАСЬ.

– Ох, тётка, я бы с тобой однозначно пошла в разведку! – думала я, смиренно сидя на стуле и наблюдая за тем, как она расхаживает передо мной, возмущённо рассуждая про свои любимые "дисциплину и порядок", временами останавливая на мне взгляд внимательных глаз. В которых, кстати, не было ни грамма осуждения!

– Мне етфа уталось угофорить коспожу инспектрису не отменять фаших тополнительных занятий. Етфа уталось! Просто мадам не сахотела потнимать шум. Хорошо, что дело не тошло то госпожи начальницы института! Са такое могли бы и исключить. Теперь притётса начинть фсё с начала и трудитса ещё больше. Натеюсь фы не притумали себе, что фсё пропало и шансоф больше нет? – она строго и испытующе посмотрела на меня.

– Ни в коем случае! – заверила её я, состроив максимально убедительную физиономию.

Тем более, что сдаваться я и в самом деле не собиралась. Не подумайте, что я такая прям вся из себя стальная и нисколько не опечалившись пережила всю эту катавасию, бодро решив, что море – по колено и это не стоит моих переживаний. Ещё как пригорюнилась. Даже немного втихушку порыдала.

Просто не позволила себе расклеиться и урониться в глазах столько уже сделавшей для меня Марты. Опять же спортивное прошлое помогало "держать удар". Опыт былых не только побед, но и поражений давно научил пониманию, что это – ещё не конец.

Опять же вариантов-то других не было. Не знаю как, но предстояло исхитриться и наверстать потерянное.

– Фот и хорошо, тefочка. Для того, чтобы тостойно устроить сфюю судьбу тefушке, не имеющей поттершки семьи, нушно иметь оччень стойкий характер. Я рада, что не ошиплась ф отношении фас. – удовлетворённо кивнув на моё заявление, Марта немного успокоилась и переключилась в конструктивное русло решения возникшей проблемы, – Нам нушно притумать эффектный хот. Такой, что смошет протфинуть фас фперёт.

– Что это могло бы быть? Я готова попробовать любые варианты и работать столько, сколько нужно.

– Не снаю, Алиса. – она выразительно развела руками, округляя глаза.

Вообще, надо сказать, фройляйн обладала на редкость интересной, экспрессивной мимикой, и когда не надо было держать суровое лицо – одно удовольствие за ней наблюдать.

– Не снаю. Но! У нас ещё есть фремя хорошенечко потумать.

Я с утроенной силой взялась за учёбу и освоение хороших манер – здесь это было едва ли не важнее, чем уровень знаний. А институт готовился к празднованию нового года.

Вообще, к этому празднику начинали готовиться заранее. Эти дни были единственными, когда воспитанницам дозволялось снять однообразную форму и блеснуть фантазией. Классные дамы и родственники закупали всё необходимое для изготовления костюмов и институтки сами придумывали и ваяли для себя наряды.

Единственным железным условием было – чтобы в итоге всё это не оказалось слишком дорогим. Здесь всё-таки стремились уравнивать состоятельных наследниц и девочек из небогатых семей, либо тех, у которых вообще таковых не имелось.

И вот благородные княжны и дочери рядовых помещиков прилагали все свои творческие возможности, сами мастерили костюмы цветков и бабочек, цветочниц и китаянок, джигитов и цыганок...

Наши красотки пытели над образами трёх древнегреческих богинь, изо всех сил рукодельничая над мервельезами*, заменив положенные к ним широкополые шляпы на, кажется, лавровые венки. Пока не очень понятно, что там получится из подручных средств.

Мы же с Саломеей собирались веселиться в образе цыганок. Обе черноволосые – очень подходили под подобного рода персонажей. Княжне прислали столько прибамбасов под эту роль, что можно было бы снарядить целый табор.

А ещё надо было позаботиться о ёлке. Точнее ёлках. Кроме того, что старшие воспитанницы, то есть мы, должны были наготовить украшений для самой большой общей красавицы в бальный зал, у каждого класса была своя ёлка и девчонки прям с великим азартом соревновались – у кого получится самая яркая и красочная. А ещё необходимо было нарядить ёлку для лазарета. И, как вы понимаете, я не могла остаться в стороне от этого вопроса.

Мы с княжной и Натальей, вооружившись бумагой, красками, клеем и ножницами, мастерили гору разноцветных бонбоньерок**, которых здесь принято было использовать в качестве украшений. Ну, это что-то вроде коробок, в которые у нас обычно на новый год насыпают конфеты для ребятишек. Типа подарок от Деда Мороза.

А ещё, вспомнив детство и знакомые всем со времён детского сада вырезанные из бумаги снежинки, которыми обклеивали окна и стены, я показала девочкам, как легко и быстро получить эту красоту самых разных форм и размеров. Часть из них должна была пойти на ёлки, часть на гирлянды, а из оставшихся – мы склеили небольшую ажурную скатерть на общий стол.

Потом, совершенно неожиданно для себя войдя во вкус праздничного рукоделия (для меня этот "приступ" был однозначно одноразовым), я выпросила у преподавательницы по домоводству клочки невостробованной пряжи и наворотела очаровательных шапочек, которыми хотела украсить отдельную ветку и подарить Марте.

Конструкция совершенно элементарная. Думаю, ей будет приятно получить маленький тёплый сюрприз.

В общем, к празднованию готовились вдохновенно и с великим энтузиазмом. Он должен был стать первым ярким цветовым пятном во всём моём серо-буднично-трудоёмком пребывании здесь.

***Мервельез** (la merveilleuse – «удивительная») – французский женский наряд времен Директории (около 1796 г.) Этот костюм был основан на подражании древнегреческому одеянию: высоко подпоясанная туника.

****Бонбоньерка** – красиво оформленная коробочка для конфет.

17

И вот наступил долгожданный праздник. В этот день нас освободили от занятий и отменили почти все ограничения. В коридорах института стоял радостный шум и оживление. Младшие играли в салки, прятки, забираясь в самые потаённые уголки огромного здания. Население Смольного готовилось к новогодней ночи.

Отдельной радостью стал торжественный, на редкость роскошный стол. (как вы помните, в обычные дни мы тоже не сказать, чтобы голодали, но и разнообразием повседневное меню явно не блистало. К тому же и порции монументальностью не отличались.)

Перед танцами мы получили легкий бульон с пирожками, а уж после... нас ожидало настоящее пиршество: жареная дичь, телятина, гуси, пирожные. Можно было вдоволь пить шоколад, а в своих комнатах лакомиться гостинцами из дома, что в будние дни было под строгим запретом.

Многим девчонкам родственники присылали традиционные угощения. Однако такие, как я – кто не имел такого счастья – тоже не оказались обделёнными. Благотворители от души постарались и прислали корзины с конфетами, засахаренными фруктами, паштетами, булочками, орехами. В общем – хватило на всех. Всё это богатство дружно поделили между собой.

Мы с Саломеей нарядились в самошитые юбки-солнце кумачового цвета с бордовыми цветами. Жаль, что ткань была немного тяжеловата для подобного фасона и красиво струящихся воланов не вышло – тонкий переливчатый шёлк в институте бы не одобрили из-за его дороговизны. Да и пузо с декольте заголять не рискнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.